

БУДУЩЕЕ
ВМЕСТО
НАСТОЯЩЕГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Токарчук

Будущее Вместо Настоящего

<https://litres.ru/74482612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя была продумана до мелочей.

Школа, университет, работа, карьерный рост и уже потом, в далёком будущем, семья и дети.

Но судьба рассмеялась мне в лицо; поставила в такую ситуацию, где не оставила мне выбора. Я была вынуждена пойти на отчаянные шаги, чтобы защитить себя и своих близких. Была вынуждена подписать контракт с дьяволом, в чьих глазах не было ничего, кроме бесконечного холода.

Я отказалась от своих планов на будущее, от человека, в которого была влюблена, и стала женой тому, кто по щелчку пальцев может уничтожить меня. Самая смешная шутка вселенной обернулась для меня кошмаром, персональной клеткой.

Он сможет защитить меня от всего мира, но сможет ли защитить от самого себя?

А главное, смогу ли я преодолеть все те препятствия, которые были уготовлены мне ещё с самого начала?

Екатерина Токарчук

Будущее Вместо Настоящего

Пролог.

Я читала текст и не могла поверить, что это происходит в действительности.

Сквозь панорамные окна в комнату — и без того слишком светлую — вливалось солнце. Оно не согревало, даже наоборот, от него хотелось зажмуриться, задвинуть шторы и погрузиться в крошечную тьму. Казалось, даже воздух стал прозрачнее, чем следовало, и в этой прозрачности мне негде было спрятаться. Я сидела на кожаном диване, сжимая проклятый договор, и вчитывалась в каждую строку так, будто от неё зависела жизнь. Глаза спотыкались на одном и том же предложении — дважды, трижды, — пока слова не начинали врезаться в память. Мозг пытался осознать пугающую реальность, но упрямо возвращал меня туда, где всё пошло не так. Туда, где я, кажется, сама подписалась под собственной ошибкой.

Кто бы мог подумать, что я, обычная студентка третьего курса попаду в такого рода ситуацию. В буквальном смысле подписываю договор, согласно которому добровольно становлюсь чьей-то рабыней. Люди скажут, что проститутка,

повелась на деньги, но я же скажу, что вынуждена. И от этой правды ещё хуже, ведь я никогда и представить себе не могла, что стану выходить замуж в столь юном возрасте, да ещё и по договору. Моя реальность всегда находилась слишком далеко от подобного развития событий. У меня ведь даже были планы на ближайшие пару лет: выучиться в университете, получить свой красный — на минуточку — диплом, устроиться по специальности, построить карьеру, найти достойного мужа и путешествовать по миру.

Правильно говорят, хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах на завтра. Бабушка обронила эту фразу как-то между делом, а я пропустила мимо ушей. У меня всегда была гордость и наивная уверенность, что судьба послушно пойдёт за мной, стоит лишь крепче сжать поводок. Оказалось, поводок давно оборван. И теперь я стою посреди своих разбитых планов и смотрю, как жизнь выставляет мне счёт. Видимо, пришло время платить за свою самоуверенность.

Взгляд соскальзывает с белого листа — всего на мгновение — и останавливается на кресле, где расположился мой потенциальный муж. Его колени широко разведены, чёрные брюки обтягивают их; белоснежная рубашка расстёгнута до середины, рукава закатаны до локтей, открывая жилистые предплечья. Длинные пальцы левой руки держат сигарету — та почти дотлела, а он не замечает. Все в его позе указывало на власть и ощущение, будто он здесь настоящий король, ко-

торый привык, что мир подстраивается под его паузы. Мне хочется быть храброй, как это было всегда. Хочется швырнуть контракт ему в лицо — но моё положение не позволяет мне такой роскоши.

Поднимаю взгляд выше, к его лицу. И натываюсь на ответный. Серые глаза смотрят прямо на меня: любопытство, от которого хочется отступить, и что-то ещё, похожее на азарт, а может голод. Моего скромного опыта не хватит, чтобы прочесть мужчину напротив. Что-то подсказывает: он не так прост, и эта свадьба ещё выйдет мне боком. Но пока условия контракта не кажутся мне ужасными. Напротив. В них учтены и мои желания, в некотором смысле.

Рука не дрожит. Я беру ручку и медленно, почти испуганно вывожу подпись, словно от этой завитушки зависит что-то большее, чем свобода. На секунду мне хочется стать такой же безупречной, как мужчина напротив. Хочется, чтобы хоть эта, последняя моя строка была безукоризненной — ровно перед тем, как она перестанет принадлежать мне. Обычная подпись. Ничего особенного. Только вот именно она обрывает мою прежнюю жизнь и передаёт меня в чужие руки — незнакомые, слишком уверенные, слишком спокойные. И да помогут мне святые пережить этот союз.

Глава 1.

Двумя месяцами ранее...

Это лето было из тех, что не просят пощады. Солнце — беспощадное, ветер — душный, воздух — густой и горячий,

как чужая ладонь на лице. Дышать было нечем в буквальном смысле, а спрятаться от палящих лучей — практически нигде. Если только ты не работал в одной из самых престижных гостиниц страны, где сэкономили на всём, кроме кондиционеров. В первый же день своей работы я умудрилась заболеть: организм, не привыкший к такому холоду, взбунтовался. Неделю я отработала с температурой и в маске — чтобы, не приведи Господь, никого не заразить. До воспаления не дошло, но простуда вымотала меня так, что казалось: насморк и кашель останутся со мной навсегда. Но чудо случилось. А следом и второе: я привыкла к гостиничному холоду. Теперь я наслаждалась прохладой и втайне посмеивалась над теми, кто на улице тонул в собственном поту. Везло не каждому. Мне — везло.

Кстати, я работаю официантом в ресторане, а иногда подрабатываю и в рум-сервисе. Честно говоря, первое мне нравится куда больше, чем бродить по гостиничным номерам с подносом. В номерах никогда не знаешь, кто откроет дверь: милая пара, командированный дяденька или кто-то, после кого хочется вызвать сразу охрану. Хотя, будем реалистами: охрана, скорее всего, встанет на сторону гостя — он ведь платит за номер, а я эти деньги получаю. Несложно догадаться, у кого плюсов в глазах начальства больше. Единственное, в чём нам по-настоящему везёт, — в рум-сервисе работают парами, мужчина и женщина. Для таких студентов, как я, это настоящая терапия. А студентов здесь, кроме меня, ещё

двое: Лера, моя одногодка, и Стёпа, который только что сдал гос. экзамены. Так что можно считать, что мы держимся вместе — студенческая солидарность в действии.

Сегодня нас с Лерой, кстати, поставили на завтрак. По утрам сюда спускаются постояльцы, и от официантов требуется всего-то ничего: предлагать чай и кофе да уносить грязные тарелки. В теории — самая лёгкая работа в отеле. На практике — когда полная посадка, ты успеваешь набегать столько, что вечером ноги требуют отдельного отпуска. Но все мы начинаем здесь, а уже потом нас распределяют по другим локациям. Я работаю второй месяц, так что мне доверяют и кое-что посерьёзнее, — приятно, что тут скажешь. Жаль только, что, познакомившись с классными ребятами, я исчезну отсюда, как только начнётся новый семестр. Но выбор очевиден: международные отношения или официант? Первое, разумеется. Надежда, что я когда-нибудь буду работать по профессии, живёт во мне и, кажется, с каждым днём подрастает.

— Не желаете чай или кофе? — с заученной улыбкой подхожу к мужчине, который сидел за пустым столом и что-то смотрел в своем телефоне. Услышав мой вопрос, он поднял голову и так же учтиво улыбнулся мне.

— Два кофе, пожалуйста, — произнес он тихо, после чего добавил, — Без сахара.

Кивнув ему, я направляюсь к буфету походкой человека, который точно знает, куда идёт, даже если это всего лишь к

кофейному аппарату. Беру две чашки и наливаю ароматный напиток. Вообще-то здесь шведский стол: каждый сам себе и повар, и официант, и бариста. Но постояльцы — народ особый. Кто-то теряется среди тарелок, кто-то просто не хочет отрывать себя от стула. И тут появляемся мы — с улыбкой, с кофейником и твёрдым намерением спасти чьё-то утро. Этот случай как раз из таких. Мужчина, судя по всему, так ушёл в свои дела, что забыл не только про кофе, но и о том, что он вообще существует.

— Делаешь кофе тому красавчику? — ко мне подходит Лера, держа в руках такую же чашку, и говорит одними губами, чтобы никто не заметил нашего диалога; как говорила начальница, это запрещено, — Хоть кому-то повезло. У меня только семейная пара с тремя детьми, и две девушки. Никакого веселья.

— Насколько мне помнится, мы здесь работаем, а не веселимся, — фыркаю в притворном возмущении, а потом резко опускаю голову, заметив подозрительный взгляд начальницы, — А вообще, мужчина и вправду красивый, да больно в телефоне много сидит. Пришёл минут пятнадцать назад, но так ничего и не взял, пока не предложила ему кофе. Может ждёт кого-то?

Лера не успевает ответить — я уже подхватываю поднос с двумя чашками горячего кофе и растворяюсь в зале. Ну и, как по традиции — или, точнее, благодаря моей личной суперсиле притягивать неприятности, — едва не врезаюсь

в очередную высокую мужскую фигуру. Мне просто чудом удаётся удержать поднос, в то время как мужчина даже не заметил, что стал моей преградой. Идёт себе дальше с таким гордым видом, будто это не он возник у меня на пути, а я, невнимательная, испортила ему утро. Так и тянет опрокинуть на него этот поднос — раз, и дело с концом. Но ирония судьбы на этом не заканчивается: незнакомец усаживается прямо рядом с тем самым мужчиной, которому я и несу кофе.

Мне едва удаётся сдержать громкий смех. Видимо карма сегодня в ударе.

Собравшись наконец с мыслями, возвращаю улыбку на лицо и подхожу к нужному столику. Первый мужчина явно засуетился после прихода второго, даже отложил свой телефон и поднялся, поприветствовав друга, а может и просто делового партнёра, мне это неизвестно. Я же появляюсь буквально десятью секундами позже, с грацией лебедя поставив две чашки рядом с мужчинами. Они не обратили на меня никакого внимания, начав свои переговоры на международном, английском языке. Благо, что на гос. экзаменах в прошлом году я взяла именно этот язык и теперь без особого труда понимаю каждое слово, произнесенное ими.

— It will be a great honour for me if you become my sponsor (Это было бы большой честью для меня, если вы станете моим спонсором), — с трепетом и благоговением произносит первый мужчина, получив в ответ скушающий взгляд острых

серых глаз. Даже меня на секунду прошиб холод от него, но благо я сразу же ретировалась.

Деловые переговоры незнакомых мне людей в мои интересы не входят. Подслушивание — тем более: в мои обязанности оно точно не входит, а в список сегодняшних грехов я и без того уже набрала. Это их дела, и мне разумнее держаться от них подальше. Поэтому я просто возвращаюсь на своё место — примерная официантка, которая не подслушивает, а просто очень хорошо слышит, — и поглядываю за тремя столиками, где сидят остальные гости.

Честно говоря, за мои двадцать лет это первая работа в моей жизни — и, признаюсь, я ожидала, что будет сложнее. Вышло ровно наоборот. Чем-то всё это напоминает сериал "Элеон": интриги, сплетни, драмы на пустом месте — всё прилагается. Правда, ситуаций, где реально нужна смекалка, за всё время набралось всего две. И то персоналу пришлось лишь слегка приврать. В остальном — день сурка, только с кофейником. Но мне здесь нравится: тут всегда весело и интересно. Интересно — потому что постоянно знакомишься с новыми людьми, весело — потому что с коллегами можно хохотать до слёз. Пару раз гости даже оставляли мне подарки, а чаевые — куда чаще, хотя официально это вовсе не обязательно. В общем, работа не пыльная. Главное — улыбаться и шутить. Остальное как-то само идёт, будто по маслу.

— Алиса, подойди, — шепотом зовет начальница, Ирина, помимо меня собрав круг из всех официантов, что сегодня

в смене, включая Леру, — Сегодня к нам спускается очень важный гость, вы все его должны знать. Григорий Валентинович Колесников. Я вас прошу, кто из вас не стал бы его официантом, постарайтесь повернуть все на высшем уровне. Если что-то пойдет не так, то полетят головы всех, а в первую очередь того самого официанта. Наш отель не собирается терять репутацию из-за неспособного работника. А вот и он, — только она это сказала, как тут же сорвалась с места, едва ли не на бег, прямо к вышеупомянутой личности.

— Да помогут нам небеса, ребята, — прошептал Денис, наш сотрудник, который тоже оставил нашу компанию и направился к своей секции. Я, Лера и Антон остались на месте, внимательно следя за нашей начальницей, которая тут же засуетилась в компании мужчины. Последний одарил ее самой плотоядной ухмылкой, от которой меня едва не вывернуло. Он похож на гиену в своей естественной среде обитания.

— Вы слышали, что на прошлой неделе полиция обвинила его в незаконной перевозке оружия через границу? — со страхом в голосе спросила Лера, теребя свое кольцо, что было явным признаком ее нервозности.

— А мой дядя, полковник между прочим, рассказывал, как его пытались повязать за торговлю особо опасными наркотиками, — подхватил Антон, с таким же испугом глядя на предмет нашего обсуждения, — Просто невероятно, как ему удалось отделаться от обвинений.

— С его связями и деньгами это раз плюнуть, — фырк-

нула я, с ужасом осознавая, что мужчина, уже в сопровождении охранников, направился к столику в моей секции, — Хотя в убийстве его обвини и предъяви железобетонные доказательства, ничего не получится. Чёрт! — воскликнула я слишком громко, от чего Лера ущипнула меня в бок, — Он сел ко мне.

— Молись, подруга. — "поддержала" меня Лера, — Если твой труп завтра всплывет в реке, я лично прослежу, чтобы на твоём надгробии написали: "Пала смертью храбрых".

— Ни пуха ни пера, Алиса, — закатил глаза Антон, уже так же собираясь уходить, но добавил напоследок: — Главное улыбайся пошире. Слышал, ему нравятся рыжие.

Бросив на обоих раздражённый взгляд, я вышла в зал. Два моих столика уже были заняты какими-то бизнесменами: двое сидели вместе и о чём-то тихо переговаривались. Один выглядел так, будто только что потерял крупную сумму, — а второй, сероглазый, откинулся в кресле и взирал на партнёра с плохо скрываемым превосходством. На секунду мне стало жаль первого. Но только на секунду — потому что моё внимание тут же перехватил Колесников. Его хитрые глаза были устремлены на Леру, которая как раз проходила мимо. И смотрел он ей отнюдь не в лицо. Нет, взгляд его целеустремлённо спускался ниже — прямо на задницу моей подруги! Гнев вспыхнул в груди мгновенно, и подавить его удалось с трудом. По крайней мере, он не распускает руки, а просто смотрит. Таких любителей поглазеть у нас хватает,

причём обоих полов. Смотрят — и не прикасаются. Уже достижение.

Взгляд сам собой возвращается к другому столику — и дыхание мгновенно перехватывает. Серые глаза, только что с таким удовольствием давившие собеседника, теперь обращены прямо на меня. И тут я понимаю: Колесников со своими похабными взглядами — это, оказывается, ещё цветочки. Вот кто по-настоящему опасен. Взгляд, поза, манера держаться — всё в нём выдаёт прирождённого лидера. Охотника, который даже не считает нужным притворяться. Мне почему-то становится неимоверно жарко — и, к моему стыду, в голове всплывают картинки, которые я бы точно не доверила даже дневнику. Дыхание частит, сердце подхватывает этот бег, а мужчина всё смотрит — так, будто в зале больше никого нет. Будто его собеседник и не пытается вновь привлечь его внимание.

Это был взгляд того, кто, скорее всего, сможет сокрушить даже Колесникова. Которому ничего не стоит просто купить нашу страну, а потом объявить себя королем, коим ему и стоит быть.

Может в прошлой жизни он действительно был таковым? Наконец, смирившись, он отвернулся и посмотрел прямо на своего собеседника с настоящей Арктикой в глазах. Я же, словно освободившись от транса, начинаю ходить по секции, не в силах справиться с охватившим тело возбуждением. Такого состояния у меня не было давно. Я нико-

гда не жаловалась на острое возбуждение от одного взгляда мужского пола (наверное потому все еще девственница), что весьма усложняет понятие реакции моего тела. Мне наоборот должно быть параллельно на такие взгляды.

Но мои размышления были прерваны владельцем гостиницы, который тоже решил почему-то сесть в мою секцию. А зная его, мне сейчас же нужно подойти к нему и получить заказ, прямо как официант из ресторана. Не то чтобы меня это задевало, ведь за это всегда платят достаточно большие деньги, но все же прислуживать владельцу отличается от прислуживания обычным гостям. В конце концов уволить или лишить тебя зарплаты последние не могут.

И, как назло, Георгий Маратович садится за столик Колесникова, чья охрана сделала угрожающий шаг вперёд, но была остановлена рукой своего хозяина. Он быстро обменялся с ними взглядами, отдавая молчаливый приказ и вновь улыбнулся своей хитрой улыбкой. И кто бы только знал, как мне не хотелось подходить к ним, но долг вынуждал. Поэтому, вновь нацепив свою дежурную улыбку на лицо, я подошла к мужчинам, которые уже начали о чем-то говорить, но сразу умолкли, заметив меня.

— Доброго утра, — обращаюсь к обоим, встретившись взглядом сначала с Георгием Маратовичем, а уже потом с Григорием Валентиновичем; как никак начальник важнее, — Не желаете чая или кофе?

— Зелёный чай, — отдает приказ начальник, после чего

обращается к своему собеседнику, — Чего желаете вы, Григорий?

— Желаю вон ту блондиночку, — хрюкнул мужчина, бросив взгляд на Леру, которая принесла два кофе девушкам за столиком, — Но это будет слишком не этично, так что просто кофе. Да побыстрее, у меня дела.

Кивнув, удаляюсь, чувствуя холод по спине от мужского взгляда.

Колесников неприятный тип, каких стоит только поискать. К нему не хочется подходить, с ним не хочется разговаривать. Будто его окружает какая-то аура, которая отталкивает на расстоянии не меньше километра; но такие мелочи меня, как представителя обслуживающего персонала заботить не должны. Только обязанности и их чёткое выполнение.

Метнувшись туда и обратно, подаю готовый чай и кофе, радуясь, что не перелила с подноса ни одного грамма. А ведь в первую неделю, практически на первый же день, я перелила на бедного гостя горячий чай, после чего час выслушивала выговор от Ирины, и ещё час смех Антона, который едва не задохнулся. Мне пришлось даже дважды приносить ему воду, что лишь на немного успокоило его. Вспоминая тот день я тоже смеюсь, но более горьким смехом, ведь это был настоящий позор.

Но вернёмся в реальность, где Григорий Валентинович недовольно цокнул языком на какое-то предложение Геор-

гия Маратовича; да настолько громко, что привлек моё внимание, и внимание мужчин за соседним столиком. Оба они повернулись на этот звук, вот только американец — или британец, пока не разобрала — посмотрел на Колесникова с лицом, будто перед ним находится не главный криминальный авторитет страны, а какое-то бесполезное насекомое. Его глаза выражали чистого рода превосходство, что нельзя было сказать о его собеседнике; бедный, встретившись взглядом с Григорием побледнел и нервно поправил свой галстук, будто он стал его душить. Зато потом столкнулись взгляды Колесникова и иностранца. И, честно, это похоже на скрещение двух мечей, кованных из самого твёрдого металла.

Напряжение достигло своего апогея, когда оба мужчины осознали, что ни один не готов уступать. Григорий покраснел от возмущения, зато его противник оставался с тем же холодным выражением лица. Мне срочно нужно было что-то придумать, ведь даже на расстоянии чувствовались эти волны соперничества. Выход появился сам по себе, когда Колесников внезапно пролил на себя чашку кофе.

— Ты! — ткнул он пальцем в меня, — Сюда, быстро!

Я тут же ринулась к нему, но была остановлена поднятой рукой иностранца. Золотые часы — скорее всего оригинал, Господи-Боже, Rollex — блеснули в лучах утреннего солнца, когда мой взгляд упал на ладонь с поднятым указательным пальцем. Волнение запершило прямо в горле.

— One more cup of coffee. No milk. No sugar (Один кофе. Без молока. Без сахара), — отдал он мне приказ этим бархатым голосом, который хотелось записать на диктофон и слушать на повторе. Мой мозг начал разрываться от двух срочных дел одновременно. Ведь, с одной стороны, у меня обоженный Григорий, а с другой — заказ от, скорее всего, очень влиятельного человека. — Right now (Прямо сейчас).

Мой рот не успел открыться для возмущения — ситуацию спасла Ирина. Она подлетела к разгневанному Григорию, который буквально метал молнии взглядом. Я же, чтобы не попасть под раздачу, бросилась к кофейному аппарату — выполнять просьбу американца. Хотя, если честно, я не уверена, что он американец: с таким британским акцентом его скорее следовало бы записать в лорды. Но суть не в этом. Суть в том, что своим приказом он буквально спас меня от яростного крика Григория. А вот Ирине повезло меньше: она побледнела, потом позеленела — и всё это за те секунды, пока мужчина размахивал своими громадными руками и, кажется, разбрызгивал слова вместе со слюной. И всё из-за чего? Из-за собственной неуклюжести. Вот честно — мне его даже жаль.

Вспоминая об этом случае уже на перерыве, мы, всей компанией, конечно же смеялись, ведь Григорий только со стороны казался хладнокровной акулой бизнеса, а на деле оказался истеричкой, не способной признаться в своих ошибках. Но в тот момент я сама едва в штаны не наложила от

страха; мне в буквальном смысле пришлось выбирать между двумя солидными гостями, которые, я уверена, с легкостью могли не только меня с работы выкинуть, но и из страны. Хотя британец возможно и не обладает такими полномочиями, будучи не гражданином нашей страны. Однако факт в другом и оспорить это невозможно.

— Алиса, — Ирина подсаживается за наш столик в столовой, и я уже морально готовлюсь к выговору, — Вместе с Владом после перерыва спуститесь в рум-сервис. У них сегодня двое сотрудников не явилось, так что будете вместо них до окончания своей смены. Потом идите домой.

Моя голова настолько резко разворачивается в нужном направлении, что в глазах потемнело. А вышеупомянутая личность продолжала все так же молча употреблять обед, хотя на секунду подняла глаза и встретила взглядом со мной. В то время как я тут же отвернулась, ощущая, как огонь лизнул щеки. Между мной и Владом определённо была одна история, от которой мне все ещё стыдно. Я даже радовалась тому, что чаще работаю в рум-сервисе, а он на завтраке.

Когда я только пришла на работу, Влад как раз был в отпуске — так что познакомиться с ним сразу не вышло. Зато по гостинице вовсю гуляли слухи о великом Владиславе, местном ловеласе, который, судя по легендам, разбил не одно сердце исключительно из любви к искусству. Меня тогда все эти истории о чужих парнях волновали мало: я была занята делом — осваивалась на новом месте и пыталась подру-

житься с очень своеобразным графиком. А вот когда Влад наконец вышел из отпуска — к тому моменту я уже отработала неделю, — интриги вокруг нас поплелись сами собой. Тихо, аккуратно, но с явным намерением перерасти в целый сериал.

Во-первых, в первую нашу встречу он мне не понравился. Хотя, казалось бы, всё при нём: высокий, темноволосый, с красивым подтянутым телом — он же танцор, так что неудивительно. Идеальный типаж, можно сказать, с обложки. Но мой мозг почему-то наотрез отказался вносить его в список парней, которые мне нравятся, — и, как выяснилось позже, зря я его не послушала. Хотя кого я обманываю: не послушала как раз не мозг. Влад же времени не терял: уже вечером того же дня добавил меня в друзья в соцсетях и пригласил гулять. Я, само собой, отказалась — хотя бы из принципа, что с практически незнакомыми парнями ночью не гуляю. И вот тут началось самое интересное: мой мозг, только что категорически его отвергавший, вдруг стал присматриваться к Владу и находить в нём достоинство за достоинством. Роковая ошибка. Через два дня я сама позвала его гулять — и получила точно такой же отказ.

Не скажу, что меня это не задело. Ещё как задело. Меня продинамили самым коварным образом, а отказ оправдали тем, что на тот день у него были планы. Разумеется, я знала, что после работы у него тренировка по танцам. Но лишние полчаса у него всё-таки были. Просто потратить их на меня

он не решился. А после этого на меня, если называть вещи своими именами, забили болт — лишь изредка достаивая вниманием. Хотя, надо отдать должное, в помощи мне никогда не отказывали. Наоборот: Влад всегда помогал, не давал таскать тяжёлое и прикрывал перед начальством, когда возникала необходимость. Но всё, что выходило за рамки рабочих вопросов, мы больше не обсуждали. Кажется, в психологии этот приём называется «горячо-холодно»: сначала к тебе проявляют повышенный интерес, а потом отстраняются так, будто тебя и вовсе не существовало. Очень удобная стратегия, если хочешь держать человека на коротком поводке. И очень бесящая — если этим человеком оказываешься ты.

И вот однажды, нам просто пришлось поговорить, когда чаша моего терпения перелилась и я больше не могла молчать в его компании.

Мы сидели и молча раскладывали тарелки — и вот тут меня прорвало. Я выпалила всё разом: что он самый сложный человек в моём окружении, что с ним невозможно найти общий язык, что я устала расшифровывать его сигналы, как азбуку Морзе. Влад только усмехнулся. А потом начался, пожалуй, самый серьёзный разговор в моей жизни. Он признался, что я понравилась ему с первого же дня и он был готов зайти дальше. Но потом понял: я слишком хорошая для того, чтобы мне разбивали сердце. Серьёзные отношения ему не интересны, а по моему лицу и поведению видно, что мне нужно именно это. Поэтому он решил не играть со

мной — просто вычеркнуть всю историю и двигаться дальше. И мне советует поступить так же. Потому что он видит мои чувства. И его расстраивает, что приходится держаться в стороне, чтобы не усугубить положение. Надо же. Кто бы мог подумать, что под всей этой невозмутимостью прячется совесть.

С того дня мы общаемся больше чем до него, но все же недостаточно, как по мне. По этой причине мне крайне неловко, когда приходится оставаться наедине с Владом. А неловкость заключается в том, что он знает о моих чувствах. Вроде бы ничего, но все равно задевает, что он так легко смог раскусить меня.

— Можешь расслабиться, — советует Влад, склонив голову набок, позволив тёмным волосам растрепаться на лбу, — Ты же знаешь, в рум-сервисе мало кто делает заказы днем, так что можно считать, что у нас перерыв до конца смены.

Конечно он пытается поднять мне настроение и слегка сбросить напряжение, ведь я забилась в углу лифта, смотря везде, только не на него. Мне сложно контролировать себя рядом с ним, наверное поэтому единственная реакция на его слова, так это взгляд а-ля: "Будто я не знала об этом, идиот". Моё естественное поведение в обществе парня, который мне нравится. Оно получается само, но я всегда язва в подобном деле, наверное поэтому у меня нет парня.

Стёпа — мой новый друг и по совместительству будущий коллега по профессии — сидел в кресле начальника и играл

в телефоне. Когда мы с Владом вошли, он подскочил так резко, будто кресло под ним загорелось, и схватился за тряпку, изображая усердную протирку пыли. Комичности моменту добавлял взгляд испуганной лани и учтивая улыбка, предназначенная явно начальнице, а не нам. А когда до Стёпы наконец дошло, кто именно перед ним, он шумно выдохнул и снова плюхнулся в кресло — чтобы тут же вскочить, усевшись на собственный телефон. Мы с Владом рассмеялись. Вероятно, слишком громко: из кухни, что была сразу за стеной, тут же донеслось возмущённое ворчание поваров. Влад, бросив на меня весёлый взгляд, подошёл к Стёпе, который всё ещё изучал свой несчастный телефон, и сам уселся в кресло, закинув ноги на стол. Мне оставалось только примоститься на одном из обычных стульев — в куда более скромной позе.

— Вы чего так пугаете? — жаловался Степа, все так же продолжая рассматривать телефон на предмет повреждений.

— А ты почему не работаешь? — строго поинтересовался Влад, так же доставая свой телефон.

— Так заказов нет, — вспыхнул молодой парень, — Пришел с перерыва, вот и сижу, жду хоть какую-нибудь работу. А вы что здесь делаете?

— Нас отправили следить за качеством твоей работы, и, — здесь Влад сделал многозначительную паузу и сурово посмотрел на Степу из-под бровей, — Видимо не зря. Прохлаждаешься здесь, пока другие работают. стыдно должно

быть, Степан.

— Я... — тут же растерялся мой друг.

— Господи, Влад, прекрати этот цирк! — вмешалась я, — Мы пришли помочь. Нам сказали двое не пришли, так что мы на замену. И, если так посмотреть, проследить за качеством твоей работы тоже не помешало было, — бросила я с неким высокомерием Владу, который ухмыльнулся.

— О, я уверен, в качестве моей работы никто и никогда не сомневается, — и в придачу к его словам эта коварная улыбочка явного победителя словесной дуэли, ибо в моей голове тут же вспыхнули неприличные картинки, из-за которых мои щеки явно покраснели.

— Света и Артем не явились, — совсем не заметил напряженной атмосферы Степа, — А Илона вышла покурить, так что я здесь пока что один. Но вы особо не расслабляйтесь, сегодня в гостинице заняты все номера и, если в обычный день у нас только пять или шесть заказов за смену, сегодня с утра мы разнесли заказы уже девять раз. Кстати, слышали Колесников остановился у нас?

— Он был на завтраке, — отмахнулась я, уставившись в свои руки на коленях, — Пролил на себя горячий кофе и возмущался после этого минут двадцать. Бедная Ирина слушала его истерику с опущенной головой, будто это она виновата в его неуклюжести.

— Может его в детстве роняли? — вкрадчиво спросил Влад, оторвавшись от своей игры, — Ну сами посудите:

внешность у него не ахти, характер смахивает на истерический, поступки у него просто безумные. Ну кто в здравом уме станет торговать оружием и перевозить наркотики через границу?

— У него еще подпольное казино есть, — добавил Степа с видом знатока.

— Вот, пожалуйста! — воскликнул Влад, смотря прямо на меня, — И ты все еще будешь отрицать мою теорию? Брось, Лиса, с этим парнем явно что-то не так.

— С кем? — в комнату летящей походкой входит высокая и стройная брюнетка, которая, не заметив меня, тут же направилась к Владу и плюхнулась к нему на колени, обвив его шею своими тонкими запястьями. Парень тут же отложил свой гаджет, найдя занятие поинтереснее, чем конкретно взбесил меня. Ладони мгновенно сжались в кулаки, а зубы заскрежетали у меня в голове.

Да, порой эта парочка может позволить себе лишнего, но между ними нет никаких отношений, от слова совсем. Они часто обнимаются, ласкают друг друга, флиртуют и кажется, что они вот-вот накинутся друг на друга от сексуального напряжения, но всегда происходит обратное. Им будто нравится просто играть и никак не делать шаг дальше. А я, будучи по жизни собственницей, слежу за ними со стороны, будто мне нравится причинять себе эту моральную боль от их игрищ. Когда-нибудь я просто сойду с ума.

— Колесников, — мурлыкнул Влад, спрятав нос в изгибе

шей девушки, которая только хихикнула, — Я говорю, что в детстве его роняли, а эти двое мне не верят.

— О, Алиса, — будто только заметив меня спохватилась Илона, — Я думала ты сегодня не в этом департаменте.

— Это место, как видишь, все никак не хочет меня отпустить, — едва не шиплю я, с трудом сдерживая гнев и ревность в груди, — Ну или я просто хороший работник, потому все начальники так и дерутся за меня.

— Сомнительное достижение, — протянула стерва, поигрывая пальчиком волосами Влада, — Быть лучшей официанткой.

— Лучше быть лучшей среди официантов, чем посредственностью. — огрызаюсь тут же и прикусываю язык.

Глаза Влада тут же находят мои и в них мелькает догадка. Хочется язык себе вырвать, когда парень мягко, но настойчиво снимает Илону с колен и вновь утыкается носом в свой телефон. Кому-то не нравится моя ревность, но ничего, потерпит. Я же терплю его заигрывания с другими девушками, хотя он знает о моей симпатии. Значит, мне нечего скрывать. И если он своим флиртом играет на моих нервах, я буду играть на его нервах своей ревностью. Посмотрим кто продержится дольше.

Илона же, так же блеснув пониманием в глазах, стала раскладывать посуду по своим местам, не говоря больше ни слова. Один только Степа не понимал что происходит и сидел с задумчивым выражением лица. Мне вдруг захотелось обнять

его, ибо в этот момент он был похож на маленького ребенка.

Так мы и просидели около пары часов молча, лишь иногда переговаривая между друг с другом, пока наконец не поступило два заказа. Нас тут же разбили на две группы, и, слава всей Вселенной, я иду со Степой, который так же выглядел довольным распределением. Лучше с ним, чем с Владом, который явно был раздражен от нашей маленькой перепалки. Мне очень не нравится мысль, что он стал бы промывать мне мозг своими речами.

— Что происходит между тобой и Владом? — спросил Степа, когда мы оказались в лифте одни и везли заказ на самый последний этаж, который был полностью обустроен в один номер. Некий пентхаус в гостинице.

— Не понимаю о чем ты.

— Если уж я заметил, то значит понимаешь, — сделал ловкое замечание парень, смотря на меня с чистым интересом; без осуждения и злорадства. Это одна из причин, по которой я люблю Степу. В виду своего юного возраста он познает природу отношений между людьми и испытывает только любопытство.

— Ничего такого, с чем я не смогла бы справиться.

И это та самая фраза, которой я успокаиваю себя последние несколько месяцев. "Все под контролем, Алиса. Ты со всем справишься", но моя натура, видимо, в корне не согласна с этим предложением. Ревность становится все более неконтролируемой, а нервы все более тонкими. Совсем ско-

ро я просто взорвусь и это будет полностью виной Влада, который не может удержать свои гормоны хотя бы в моем присутствии.

Мы мягко, ненавязчиво стучимся в дверь, ожидая ответа гостя. Прошла минута, вторая, после которой мы наконец стучим во второй раз и уже слышим с той стороны: "Come in" ("Войдите"). В памяти сразу всплывает тот самый англичанин, с которым у меня была честь столкнуться утром. И пока Степа тянется за ключ-картой, я дважды успеваю посыпать голову порохом и просчитать все возможные развития событий. Все они заканчиваются плачевно, потому я задерживаю воздух в груди, когда мы входим в эти огромные апартаменты, которые стоят больше чем зарплата всех работников этого отеля вместе взятых. Меня всегда интересовало, чем нужно заниматься, чтобы вот с такой легкостью выбрасывать такие огромные деньги на номер в отеле. Видимо мне никогда этого не понять. Придется просто смириться с чужим расточительством, и своим жлобством.

Внутри никого не оказалось — только из душа доносился шум льющейся воды. Стёпа посмотрел на меня с немой вопрос, на что получил столь же немой ответ в виде пожатия плеч. Так что мы просто закатали тележку с едой и принялись перекладывать всё на огромный стол прямо перед панорамными окнами. Отсюда открывался вид на весь город — и я не удержалась, залюбовалась. В этом номере я была всего один раз: сюда практически никто не заселяет-

ся. Слишком уж он дорогой. Так что, пока из душа доносится шум воды, а Стёпа без единого пререкания раскладывает посуду, я смотрю на дневную столицу. Мне видны даже люди — с этого этажа они кажутся чёрными точками, которые куда-то спешат и совершенно не подозревают, что за ними кто-то наблюдает. Впрочем, кто бы на их месте заподозрил? Я бы точно не стала.

Любопытство тянет меня рассмотреть номер подробнее — и я не сопротивляюсь, мысленно пообещав извиниться перед Стёпой за то, что взвалила на него весь заказ. На маленьком круглом столике напротив огромного телевизора лежат газеты, а поверх них — документы. Я никогда не любила совать нос в чужие дела. Прямо совсем никогда. Но глаз сам зацепился за логотип «Anderson Enterprises» — и в этот момент вода в ванной вдруг умолкла. Я резко дёрнулась к Стёпе и вцепилась в тележку с видом человека, который точно ничего не читал и уж тем более никуда не подглядывал. Впрочем, мой сотрудник уже закончил своё дело — так что старалась я зря.

Уверенные, что гость не выйдет из душа еще минут пять, мы с завидной гордостью направляемся к выходу, когда вдруг из-за угла выплывает фигура в одном только полотенце, низко висящем на бедрах. Дыхание вдруг спирает от вида этого тела с формами, которым могут позавидовать все мужчины. Мои одноклассники и даже однокурсники часто выкладывали фотографии своих тел, или же просто щеголяли

летом без верхней одежды, но то, что видят мои глаза в этот момент, не идет ни в какое сравнение с прежним опытом.

Температура в номере в миг подскочила, а мои глаза самым бесстыдным образом следили за одной каплей, которая стекала с могучей шеи, прямо по груди, кубикам пресса, и прямо под полотенце. Стыд наравне с возбуждением просыпается во мне. Я даже уверена, что выгляжу как рыба, выброшенная на сушу, которая хватая ртом воздух и все равно никак не может захватить хоть немного кислорода.

— Good afternoon (Добрый день), — первым в себя приходит Степа, приводя в чувство и меня, — We brought you your order. And if you don't have any wishes, we'll go (Мы принесли ваш заказ. И если у вас нет никаких пожеланий, мы пойдём).

Мой взгляд наконец поднялся выше и встретился с уже знакомыми серыми глазами, в которых плескался холод и некая хищность, что было невероятным коктейлем эмоций.

— Minute (Минуту), — отдал приказ мужчина и прошел мимо нас, обдавая ароматом свежести и чего-то мятного. Степа прищурился, без слов пытаясь привести меня в чувство, что было напрасной тратой времени. Буквально через минуту, если не меньше, наш загадочный гость вернулся с двумя купюрами, с весьма большим номиналом, — Hope to see you again, Alice (Надеюсь увидеть вас снова, Алиса).

Я даже и не заметила, как он прочитал мое имя на бейджике, ибо была слишком далеко от этого места мыслями,

проговаривая свое имя с его акцентом раз за разом. Кажется, у меня появились новые проблемы.

Глава 2.

— Твоя дочь ничего не делает в этом доме!

Едва только моя нога шагнула за порог квартиры, как крики обрушились на меня лавиной.

Мой отчим, как обычно, ругается с моей мамой из-за меня. Это уже стало какой-то рутиной, ведь все то время, что они женаты и я живу вместе с ними, он ни дня не упустил, чтобы не обвинить меня в чем-то. Раньше, когда я училась в школе, все скандалы были из-за моей лени, хотя в школе я была лучшей ученицей и закончила её на золотую медаль. Когда я сдала гос. экзамены и ждала результаты, меня вновь и вновь обвиняли в бездельи, даже не беря во внимание тот факт, что я весь год занималась как проклятая и практически не появлялась дома. А когда начался университет шарманка была все та же, мол я ничего по дому не делаю и просто занимаю лишнее место.

В детстве мне всегда было обидно — до того, что я, кажется, провела в слезах половину своего детства. Потом обида переросла в ненависть и презрение, и я всё чаще проклинала этого человека, уже со злыми, а не горькими слезами. А сейчас всё это как-то выцвело и превратилось в апатию: состояние, когда тебе уже ничего не хочется и ты просто привык, что виноват всегда ты. Именно поэтому я с абсолютным безразличием прохожу мимо кухни, где ссорятся родители, и

иду в свою комнату, по пути снимая с себя верхнюю одежду. Потому что некоторые вещи проще не замечать. Особенно если замечать их — бессмысленно.

В чем может быть виноват ребенок, которого бросил отец, а новый мужчина ведет себя по отношению к нему, как деспот?

Этот вопрос я задавала себе, наверное, все время, как мама перевезла меня сюда.

Мне всегда хотелось понять, почему судьба обошлась со мной так несправедливо. Почему, пока другие дети ходили друг к другу на праздники, я ходила к психологу. С самого раннего возраста моими друзьями были подушка, в которую я плакала по ночам, и блокнот, которому изливала душу. И всё из-за какого-то незнакомого мужчины, который однажды решил, что имеет право издеваться над ребёнком. Мама изо всех сил пыталась меня защитить. И у неё получилось. Физически — получилось. А вот мою душу никто не уберёг. Видимо, на неё просто не нашлось защитника — или нужного возраста, чтобы её кто-то заметил.

— Она работает круглые сутки! — кричала мама в ответ.

Почему она это терпит? Ведь ежедневно это нервные срывы, крики, скандалы. И все для чего? Просто нет никакого аргумента.

— Она работает пол дня, а потом сидит в телефоне и ничего не делает!

Мама работает — не сидит дома, как большинство домо-

хозяек, — и её зарплата в разы превышает зарплату моего отчима, который служит в правоохранительных органах. Можно сказать, что семью содержит она. И страдает тоже она. А ведь помимо меня есть ещё Дима — сын моего отчима от первого брака. Родная мать от него отказалась, и теперь он живёт с нами — маленький дьявол, разрушающий всё, к чему прикасается. Ненавижу этого интригана всем сердцем, поэтому всячески стараюсь не оставаться дома, чтобышний раз с ним не пересекаться. И с его отцом тоже. Эти двое, словно пиявки, вцепились в мою мать и высасывают из неё не только кровь, но и все жизненные силы. Потому что сам Игорь — так зовут моего отчима — за своим ребёнком не следит. Зато тратит все деньги на себя. И на свои хотелки. Впрочем, «хотелки» — это я ещё мягко выражаюсь.

К примеру, в прошлом месяце он купил себе машину — на «якобы свои сбережения». Вместо того чтобы купить Диме элементарно носки. На этом фоне разгорелся скандал, в конце которого выяснилось, что я — бездарность, которую в жизни ничего не ждёт, кроме прислуживания другим. А раз моя зарплата не приносит никакой пользы, то я обязана уволиться. Я проглотила и эти обвинения. Ведь моя работа не приносит пользы только ему. Остальным, представь себе, приносит.

Как только я устроилась, мы с мамой договорились, что эта зарплата будет только моей. Я буду тратить эти деньги на свои какие-то нужды, а она в свою очередь будет оплачивать

только мой университет. И это тоже выгодная сделка, ведь я уже взрослый человек, у которого больше потребностей, соответственно на них нужно больше денег, и сейчас, когда я с состоянием сама о себе позаботиться, маме стало намного легче. Но Игорь этого не видит. А может и не хочет видеть. Я не знаю и не понимаю в чем его проблема, но с самого первого дня, этот человек презирает меня всем сердцем, потому ломал детскую психику так беспощадно. Зато своего ребенка он не трогает... Почти.

Бывают дни, когда Дима доводит своего отца до такой ярости, что тот просто избивает свое дитя. Мама всегда пытается защитить даже не своего ребенка, вставая на пути у двухметрового военного, не страшась за свою жизнь. А мне строго-настрого запрещено не только влезать в эти перепалки, но и приказано уходить из дома.

Однажды я спросила свою мать, зачем она все это терпит. На что получила ответ, из-за которого до сих пор чувствую себя ужасно. Она не хочет уходить, ибо деньги, потраченные на новую квартиру, коммунальные и тому подобное, могут лучше пойти на моё полное образование. Она готова пожертвовать всем, лишь бы дать мне все самое лучшее, ибо надеется, что в будущем я достигну всего и смогу наконец избежать всей этой тирании. Я пообещала ей, что как только это произойдет, я заберу её из этого проклятого места и мы вместе проживем в счастье и любви.

И пока они ругаются, я, как всегда, надеваю наушники и

начинаю прокручивать в голове сегодняшний день. Конкретно — попытки Влада поговорить со мной после той сцены ревности и моё мастерство в искусстве избегать парней. Хотя, честно говоря, больше всего мне хочется вспомнить того гостя из номера, который оставил нам двести долларов чаевых — по сотне на каждого. И дело не только в подарке. Дело в нём самом. В том взгляде, которым он меня наградил. В нём было столько властности, столько уверенности в себе, что дух выбивало. Да и сам факт, что он не постыдился выйти к нам прямо из душа, уже о многом говорит. Вид его тела до сих пор вызывает мурашки. И вот об этом я, пожалуй, подумаю подольше. Наушники в помощь.

Ноги практически сами раздвигаются, а рука ползёт по телу вниз, представляя прикосновения совершенно другого человека. Чувствительная грудь отозвалась на ласку сразу, но ладонь заскользила ещё ниже, туда, где ждут больше всего. В самый центр желания. И, когда пальцы наконец ложатся в правильную позицию, меня практически сразу пронзает острым током наслаждения. Спина выгибается, а дыхание спирает от одного только прикосновения. Но я не останавливаюсь и уже вскоре задыхаюсь от второго оргазма, который был ещё ярче, чем первый. И все это из-за одного мужчины, который внезапно появился в гостинице. Даже при фантазии Влада я не получала такого колоссального удовольствия. Ведь сама мысль о том, что некто, такой опытный и уверенный в себе, как этот англичанин, будет прикасаться к тебе

вызывает новую волну возбуждения. И я очень надеюсь, что завтра смогу с ним встретиться, ведь завтра у меня ночная смена.

Ну а утром я встретила со своей второй двоюродной сестрой. А если быть точнее, с Женей, которая старше меня на два года. И это единственный член моей семьи, который строго придерживается мнения, что любого вида отношения это лишняя трата времени и нервов. Этой теорией она обижает лишь одного нашего родственника — бабушку.

Стоит мне о ней вспомнить — и меня непроизвольно передёргивает. Наша бабушка владеет небольшим бизнесом в родном городе и умудрилась протянуть свои связи даже в столицу: здесь у неё открыт салон красоты, одной из владелиц которого она и является. Именно она неустанно внушает всем своим внукам, что главное в жизни — удачно выйти замуж, нарожать детей и стать домохозяйкой. Женщина старых взглядов — что с неё взять. Хотя, надо признать, связи в столице она протянула куда успешнее, чем эти самые взгляды обновила.

Но именно Женя противостоит ей больше всех. Бабушка даже кричала, что не оставит ей и доли наследства, пыталась всячески запугать, чего у нее не получилось. Женя, параллельно обучению в университете работает переводчиком и имеет свой доход, живёт в столице и прекрасно обходится без денег бабушки или же родителей. Порой мне кажется, что этим она специально выбешивает бабушку.

— Может это? — Женя достаёт одну из вешалок. Придирчиво осматриваю голубую рубашку и качаю головой.

Сегодня мы впервые за весь год вышли вместе в торговый центр. У Жени важная деловая встреча завтра вечером, поэтому ей нужен срочно подходящий наряд. А я, как самая добрая сестричка, пошла вместе с ней. И вот уже больше часа мы ходим по разным магазинам, пытаюсь найти тот самый образ. Пока что он нам не встретился, но мы не сдаёмся.

После Жени я была второй с конца в топе трёх внучек. Не такая послушная как Соня (самая старшая), но и не такая бунтарка как Женя. Для бабушки будто очень важно, чтобы ее внучки вышли за состоятельных мужчин и родили как минимум двух детей. Соня в этом преуспела, хотя ее муж финансист. Зарабатывает он немного, но бабушку это мало колышет. Временами я задумываюсь, зачем ей состоятельный "зять" (как она любит называть Сашу, мужа Сони), и всегда прихожу к одному и тому же выводу: это все ради ее же бизнеса. Единственный ответ. Слегка эгоистично с её стороны, но это её не останавливает.

— Может все же платье? — предлагаю Жене, на что получаю отрицательный ответ. Попытка не пытка.

Личная жизнь Жени для меня — загадочная территория. По-моему, для всех нас. Она никогда не делится новостями, будто они государственная тайна. Ещё подростком сестра заперлась в своей комнате и не выходила оттуда часами. А тревожить её никто не осмеливался: тогда несчастный мог

пройти через ужасные муки. Единственной, кому позволялось нарушать её покой, была я. Ну, во всяком случае, мне так казалось. Каждый раз, когда я заходила к ней, я получала недовольный взгляд — и каждый раз этот взгляд смело игнорировала. В те моменты Женя просто не замечала меня в своей комнате, а я не мешала ей. Просто дышала с ней одним воздухом. И, как ни странно, это её устраивало. А меня — тем более.

— Мне нравится, — заявляет Женя, смотря на чёрную кожаную юбку в своих руках и свободную рубашку.

— Так какая у тебя завтра встреча? — пытаюсь в очередной раз вывести ее на разговор.

Женя отмахивается, ничего мне не отвечая. Коротко о моей сестре: она просто будет нагло молчать, даже если от ее слов будет зависеть ее жизнь. Если она не в настроении, то жди беды. В такие моменты она либо говорила все что думает, сравнивая тебя с землёй, либо уничтожала взглядом. И я даже не знаю, какой из этих способов страшнее.

— Я дома! — громко восклицаю, снимая обувь.

Мы с Женей походили ещё более полутора часа, подыскивая ещё парочку вариантов для нее. Сестра продолжала невозмутимо перебирать вешалки с одеждой, временами советуясь со мной. Хотя, как мне показалось, я ей понадобилась только ради компании. Одной ей было бы просто скуч-

но.

— Не разувайся, — выбегает мама в коридор, на ходу застегивая серёжку. Вопросительно выгибаю бровь, — У нас с Софией кое-какие дела в городе, поедешь с нами.

— У меня скоро смена.

— Во-первых, это важно. А во-вторых, у тебя есть еще парочка часов. А моё дело не такое уж и долгое, так что не спорь.

Мама никогда не разговаривала со мной в приказном тоне. Но сейчас, похоже, меняет тактику — и мне это не нравится. Куда их двоих вдруг понесло, я понятия не имею. Возможно, очередные посиделки в кафе, где они обсуждают свою рутину. Или чужую. Я не вдавалась в подробности.

Соня и мама — лучшие подруги. Тётя и племянница, общаются так, будто им по семнадцать, и они делят один наушник на двоих. Мне даже завидно. Но Соня — человек, который разговорит и мёртвого: найдёт тему, подход и нужное слово. Ещё одна причина, по которой Соня стоит первой в очереди среди внучек. Эмпатия у неё развита настолько, что ей бы в политику — или хотя бы в переговорщики. А она выбрала домохозяйство. Хотя кто меня слушает.

Через пятнадцать минут мы наконец вышли. В подъезде мама тут же наткнулась на свою подружку, и они завели разговор с таким видом, будто не виделись лет десять. Пришлось мне их прервать — вежливо напомнив, что времени у меня не так уж и много, а мама, между прочим, тратит

свой выходной. Впустую. После чего мы всё-таки спустились в метро и поехали неизвестно куда. Разговорить маму так и не удалось: она держалась так, будто дала обет молчания, и на каждый мой вопрос отвечала лишь загадочной улыбкой. Очень подозрительной улыбкой, должна сказать.

А приехали мы почти на другой конец города, где нас уже ждала Соня. Она нервно переминалась с ноги на ногу, а заметив нас, расплылась в улыбке — правда, больше похожей на облегчение, чем на радость. Её зелёные глаза загорелись ярче, стоило ей увидеть меня. И вот это уже стало тревожным звоночком. Хорошие новости не сообщают в конце города, с нервно переминающейся Соней и маминой загадочной улыбкой в придачу.

Вместе мы двинулись к старому четырёхэтажному дому — настолько отрезанному от цивилизации, что казалось, будто время сюда просто не доехало. Пахло свалкой. Люди на лавочках смотрели на нас без всякого дружелюбия: кривили губы, провожали взглядами, будто мы были не гостями, а чем-то, что придётся потом отмывать. Заходить внутрь как-то резко расхотелось.

— Кларисса Сергеевна здесь живёт? — спрашивает Соня, обхватывая мою руку и руку мамы. С усмешкой слежу за ее страхом, улавливая дрожащий тембр голоса.

Кто-то из мужчин молча кивает в сторону последнего подъезда — и мы незамедлительно туда отправляемся. И где мы, спрашивается? Что мы здесь забыли? Идей у меня ров-

но одна, и она мне не нравится: либо мы пришли продавать органы, либо покупать. Уж больно подозрительно выглядит это место. Возможно, здесь ещё и наркотики продают. Но нет — для нас это точно не вариант. Меня бы тогда с собой не взяли. Я слишком законопослушная. Будущий дипломат, как-никак. Разрушать такую чистую биографию варварским способом — это, знаете ли, неэтично. Так что, скорее всего, мы просто идём в гости. Очень странные гости, в очень странном месте, с очень странными людьми. Но гости.

— Добро пожаловать, Наталья, София, — нам открывает низкая женщина с седыми, почти белоснежными волосами. Они окружают ее голову как ореол белого облака, пока ее глаза по-доброму блестят. Непроизвольно вспоминаю профессора Флитвика из Гарри Поттера и закусываю губу, чтобы не рассмеяться.

Чувствую, как Соня рядом со мной расслабляется, — и вижу на её лице доброжелательную улыбку. Подозрительно прищуриваюсь. Мы входим в квартиру, которая давно и безнадежно нуждается в ремонте: облезшие обои, пожелтевший потолок, пол, который скрипит под каждым шагом. Всё это до боли напоминает начало фильма ужасов, и я всерьёз жду, что из-за угла вот-вот выпрыгнет маньяк с пилой. Хотя, если подумать, даже в такой ситуации есть свои плюсы. Например, если меня здесь всё-таки прикончат, я больше не услышу вечных упрёков. Всегда нужно оставаться оптимистом.

— Кофе? Чай? — предлагает нам Кларисса Сергеевна, за-

ламывая длинные пальцы.

— Нет, спасибо, — отклоняет вежливо мама, — Как вы заметили, я привела свою дочь Алису. Я буду весьма благодарна, если вы посмотрите и на нее.

Кларисса Сергеевна быстро кивает, нервно хлопая глазами. Вероятно, у нее психическое расстройство. Кто как не я, самый частый гость невролога, будет знать об этом лучше?

— Конечно, да, — произносит она и достает из тумбочки... Карты. Колоду карт. Серьезно?

Смотрю на маму и сестру — и понимаю, что они опять взялись за старое. Эти две женщины просто неугомонны. И ведь не в первый раз: они снова пришли к гадалке в надежде подглядеть своё будущее, будто рутина способна поменяться по зову карт. Никогда не понимала этого их пристрастия. Магия, колдовство — всё это, во-первых, несущественно, а во-вторых, если и существенно, то запрещено. Хотя, судя по всему, закон в этой квартире — понятие гибкое. Единственное, чего я до сих пор не могу переварить: меня притащили сюда обманным путём. Могли бы хотя бы предупредить — я бы отказалась. Хотя, наверное, именно поэтому и не предупредили.

— Я, пожалуй, начну с тебя, София, — произносит гадалка зловеще. Старуха тасует карты медленно, почти торжественно, и в её сухих пальцах они скользят с тихим шорохом, похожим на шёпот. Она замечает восторженный взгляд моей сестры — и уголок её губ едва заметно дёргается. Разложив

первую партию, она замирает. Долго молчит. Смотрит не на карты, а куда-то сквозь них. Наконец, начинает говорить: — Вижу мужа твоего. Костюм. Работу. Деньги в его руках — но не в вашем доме. Тени ходят за ним, но свет рядом с тобой. Дочка. Маленькая. Слова в ней больше, чем лет. Она говорит — а ты слушаешь. Так и должно быть. — Сонины глаза вспыхивают, и она подаётся вперёд, ловя каждое слово забавной старушки так, будто та держит в руках не карты, а её жизнь. — Любовь у вас сильная. — Гадалка поднимает взгляд, и на секунду мне становится не по себе. — Не сомневайся. Долго вместе. И трудности — рука в руку, плечо в плечо. Ничего не порвётся. А после... — Она замолкает, прикрывает глаза. — Ещё ребёнок. Мальчик. Ты услышишь его раньше, чем увидишь. И запомни, девочка: это твой первый брак. И последний. Так легли карты. Так и будет.

Соня облегчённо вздыхает. Я перевожу на неё скептический взгляд. Эта женщина не сказала ничего нового. Готова поспорить: если бы Соня вдруг развелась с Сашей (чего я, разумеется, категорически не желаю), гадалка бы только плечами пожала: "Судьба изменилась. В нашей жизни всё зависит от нас самих". Удобно, правда? Карты никогда не ошибаются — ошибаются только люди, которые их неправильно поняли.

Не доверяю я этим шарлатанам. А если учесть, где она живёт, — видимо, это её единственный доход. Ничего не имею против: каждый зарабатывает как может. Но обман — это

ужасно. Особенно когда он такой уютный, облезлый и с запахом валерьянки.

— Наталья, — Кларисса Сергеевна снова перебрасывает карты в сухих пальцах, и они ложатся на стол с тихим, почти недовольным шорохом. Она поднимает глаза. — Младшая в семье, да? — и едва заметно усмехается, краем губ, поймав поражённый мамин взгляд. Мне даже интересно: а что бы она сказала, ответь мама "нет"? Что-то в духе: "А должна была быть младшей — другого ребёнка потеряли ещё в утробе"? Бред. Но атмосфера работает, ничего не скажешь. — У тебя прекрасное образование, — продолжает старуха, и голос её становится ровнее, глуше, будто она читает не по картам, а по чему-то, что видит только она. — И прекрасный талант. И дочь ты воспитала не менее прекрасную. Алиса. — моё имя в её устах звучит странно, как чужая монета в кармане. — Правда, судьба к тебе не благосклонна. — видно, как мама задерживает дыхание. Я закатываю глаза. Ну конечно. Начинается самая интересная часть: неблагоприятная судьба, очистить которую женщина сможет — разумеется — за дополнительную плату. — Первый брак был неблагоприятным. — Карты шелестят. — И второй ничем не лучше. Вижу много ссор в твоём доме. Мужчину в погонах береги: у него своя тайна, и она откроется. Но карты говорят — это не твой человек. Встретишь ещё. Совсем скоро, будь уверена. Молодая пока, а этот брак тебя уже состарил. Беги из него, пока не стало слишком поздно. — она замолкает.

Склоняется над картами, прищурившись, и вдруг в комнате становится тише, как будто даже воздух перестал двигаться. — Есть у тебя спаситель. Или спасительница. — пауза. — Но не вижу, успеет ли она. Ты у самой черты стоишь, девочка. Ближе, чем думаешь.

Складываю руки на груди, не понимая, какой бред несёт эта женщина. Если я в пустую трачу свое время, то буду невероятно рассержена сегодня на смене, что отрицательно скажется на всех, включая гостей.

А глаза мамы то вспыхивают, то угасают. Женщина продолжает говорить, рассказывая о привлечении хорошего будущего. И Соня и мама слушают ее чуть ли не с открытым ртом, пока я лишь отрешенным взглядом рассматриваю квартиру. Признаться честно, меня заинтересовала эта женщина. Если она настолько хороший психолог, я даже стану ей платить за личные приемы. Ну или же она обладает просто шармом, из-за которого клиенты ей сами все рассказывают, а она лишь перефразирует.

— Али-и-са, — протягивает она мое имя, смотря прямо мне в глаза. Женщина старается надавить на меня морально, вывести на эмоции, но я не куплюсь, точно нет. Стойко выдерживаю ее взгляд, не отводя глаз. Женщина остаётся довольной, — Прекрасная рыжеволосая красавица, сумевшая пленить двух мужчин. — насмешливо хмыкаю на ее слова, на что она отвечает таким же образом, — Ты все ещё остаёшься скептической, не правда ли?

— С нетерпением жду вашего рассказа, — выдаю я, склоняя голову набок. Желудок, к удивлению, делает предупреждающее сальто. А это первый шаг к нервозности. И сейчас это не к добру. Даже не знаю, почему начинаю нервничать.

— Подверженная гордыне прекрасная особа. Не стоит ставить себя превыше других, мой тебе совет, — женщина заговорщически подмигивает мне и раскладывает карты, — Работаешь не там, где тебе бы хотелось. Характер твой не сможет ужиться в этой должности. Нужны большие просторы. Даже наша страна слишком мала для твоих амбиций, не так ли? — женщина ждёт ответа, но не получает его, — Это не твоя жизнь. Тебе не нравится рутина, ты бежишь от нее как можно быстрее, без оглядки. Поэтому выбрала свою истинную профессию? — снова вопрос, оставленный без ответа, — Вижу любовь твою, но, не смотря на твою уверенность, она тебе не принадлежит. Брось этого парня, он для тебя слишком прост, да и характера твоего не выдержит. У вас одна сердцевина, вы погубите друг друга, даже если ты уверена в обратном, — от ее слегка фанатичного взгляда, у меня проходит дрожь по всему телу, — Ты уже встретила того, кто подарит тебе все, чего ты желаешь. Наполнит жизнь красками, но потребует ее же взамен. Женщине не следует выбирать мужчину, энергетически сильнее неё, иначе он её растопчет. Но у тебя не будет выбора. Вижу тернистый путь, и выбор сложный. Либо настоящее, либо будущее. Совсем скоро тебе предстоит его сделать, но подумай хорошо, готова

ли ты к последствиям этого выбора, Алиса.

Сидя в центре города в кафе я переосмысливаю слова Клариссы Сергеевны. Каждый раз вспоминая отдельное из них, меня передёргивает. Почему-то вся уверенность в обмане ушла, стерлась вместе с покоем. Волоски все ещё стоят дыбом на затылке, как бы я ни старалась успокоиться. Даже желудок отзывается тупой болью.

Мама сидит в такой же прострации, словно не понимает, что происходит и где она. Я вижу, как работают в ее голове шестерёнки, как она усиленно обдумывает слова ясновидящей. Мне хочется сказать ей, что бы она не забивала голову словами той шарлатанки, но я язык не поворачивается. У меня у самой несколько шокированное состояние.

— А ты не верила, — самодовольно произносит Соня, откусывая заказанный шоколадный маффин. Смотрю на нее затуманенным взглядом, стараясь понять смысл её слов.

"Сумевшая пленить двух мужчин." Я вообще без понятия о ком она говорит. Совсем нет никаких идей.

"Ты уже встретила того, кто подарит тебе все, чего ты желаешь." Мне очень интересно о ком она. Моя самодовольная личность хочет, чтобы этим мужчиной оказался кто-то по типу англичанина, но рациональный мозг отвергает эту идею. Ну не может всё быть так легко.

"Либо настоящее, либо будущее." А эти слова вообще сплошная загадка. Что значит настоящее или будущее. Какой может встать выбор между этими двумя? Надеюсь судьба

будет ко мне более благосклонной, чем эти дурацкие карты.

— Признавайся, скромница, о ком говорила ясновидящая? — продолжает Соня, уплетая за обе щеки мучное. Мама вдруг оживает и с нездоровым интересом смотрит на меня.

— Понятия не имею, — пожимаю плечами, делая осторожный глоток горячего чая, даже не смотря на жару.

Вообще, я человек, который всегда мёрзнет. Неправильная циркуляция крови, так что не стоит удивляться тому, что я пью горячий напиток летом. Пусть даже мир будет плавиться от жары, от чашечки чая я все равно не откажусь. Неужели во мне есть британские корни?

— А мне кажется ты знаешь кто это, просто не говоришь.

— Оставь ее, София, — вступается мама, — Ты же знаешь ее, она сама расскажет, когда захочет.

Благодарно киваю ей.

В кафе попадают уже последние лучи уходящего солнца, которые совсем не согревают, но оставляют красивое свечение. Алый закат особенно красиво выглядит из этого заведения, и я вдруг вспомнила, как любила фотографировать именно "смерть солнца". Раньше, когда у меня было свободное время и профессиональная камера, это было как мое успокоительное. Но сейчас, когда моя жизнь больше похожа на хаос, у меня нет ни времени ни камеры. И это самая главная потеря. Когда-нибудь, я снова куплю себе камеру и продолжу свое увлечение.

Закрываю глаза, стараясь немного расслабиться. А когда их открываю, чувствую, как сердце начинает биться быстрее. В противоположном конце кафе, в самом укромном месте, куда не добираются последние солнечные лучи, сидит мужчина. Мои глаза с трудом заметили бы его, но я точно знаю кто он. Его аура окружает меня в кокон. Его глаза в буквальном смысле выжигают отметины своим холодом везде, где проходятся. Я чувствую его. Его прикосновения на расстоянии. Как его глаза ласкают мое лицо, медленно опускаются вниз, без стыда рассматривают тело. И оно реагирует, отзывается на зов. Плечи выпрямляются, дыхание учащается, ладони потеют, внизу живота загорается огонь. Не могу отвести взгляд от его лица, даже не видя его.

А что если это все же он? Тот, о ком говорила Кларисса Сергеевна. Тот, кто наполнит жизнь красками и отберёт у меня её же.

Чашка выскальзывает из ослабевших рук и опалает левое запястье. Сдерживаю крик, когда кожу лизнуло настоящее пламя. В мигрываю губительный контакт. Отвлекаюсь на обжигающую боль.

— Алиса! — дуэтом вскрикивают родственники и накрывают салфетками обожженное место. Может это карма? Намёки вселенной.

— Все хорошо, — заверяю маму и Соню, которые в панике зовут официанта. Бедный прибегает с ведёрком льда, куда все стараются опустить мою руку. — Все хорошо, правда.

Чай был не таким уж горячим, так что это почти ничего.

На меня все смотрят с подозрением. Все знают, что чай был горячим, но никто ничего не говорит.

Смотрю в то место, где сидел мой личный дьявол и никого не замечаю. Неужели это был плод моего воображения?

Глава 3.

Не скажу, что работать с перевязанной рукой — лёгкое дело. Приходится проявлять чудеса изобретательности: сначала изощрённым способом донести блюдо до подноса, потом сам поднос — до столика. Лишь бы только меня не отправили домой. Во-первых, там меня ждут мамыны расспросы о словах гадалки, а к этому я морально не готова. А во-вторых, отправься я домой — и не ехала бы сейчас в номер к сексуальному англичанину. Ну, то есть еду я, конечно, в компании Артёма, который прямо сейчас листает ленту на своём телефоне и полностью меня игнорирует. Но не в этом суть.

Артём всегда был таким, сколько я здесь работаю: отстранённый, симпатичный, немного не от мира сего. Лет несколько назад его вполне можно было принять за загадочного вампира — бледный, молчаливый, с взглядом, который ничего не обещал. Хорошо, что-то время прошло, и мы больше не ищем вампиров во всех подряд. По крайней мере, не в коллегах. Обычно.

Сегодняшний заказ вышел на редкость дорогим. Без шуток. Такое чувство, будто англичанин запросил мясо из

Красной книги, — но начальство, в силу закона, отказалось и предложило заменить его блюдами из продуктов не менее дорогих. За всю поездку я, кажется, раз десять истекла слюной от одного вида этого заказа. Но я, как истинный воин, вытерпела пытку, глубоко вдохнула — и с внутренним трепетом постучала в дверь. После чего, с помощью Артёма, открыла её и вошла в затемнённый номер.

Здесь на удивление уютно, красиво, и очень интимно — до такой степени, что так и тянет поставить на стол пару свечей и подать ужин при свечах. Напротив этого окна во всю стену еда точно зашла бы вдвойне приятнее. Но мы с Артёмом свечей зажигать не стали: включили свет — так удобнее расставлять приборы. И делали мы это в полной тишине. Мой напарник — не любитель разговоров во время работы, а я, в свою очередь, была полностью погружена в собственные мысли. Главным образом — о том, что где-то здесь, в этом номере, ходит тот самый англичанин. И о свечах, которые я, разумеется, зажгла бы исключительно в целях сервиса.

А потом произошло то, чему мне и вправду легко дать объяснение, но сложно принять.

Прямо передо мной, в одном полотенце и с мокрой кожей, проплыла длинноногая брюнетка — с лицом модели и телом под стать. Мой рот так и остался приоткрытым, пока Артём не шикнул, а девушка не обернулась и не усмехнулась — с видом человека, полностью довольного произведённым эффектом. На секунду меня будто парализовало. Зато мозг,

опомнившись, услужливо напомнил: я ведь сама лично взяла две тарелки. Заказ был на двоих. Но я, самоуверенная натура, решила, что англичанин, вероятно, сделает мне предложение и пригласит на ужин прямо перед панорамным видом на весь город. А оказалось, что дама на этот вечер у него уже есть. И какая дама. Я бы просто убила за такие ноги. Со своими полутора метрами (ладно, чуть больше) я могу даже не претендовать: её ноги — это, по ощущениям, весь мой рост. Чёрт.

Следом за ней, вероятно прямо из ванной, выходит англичанин — при полном параде: чёрный костюм, белая рубашка, чёрный галстук. Выглядел он настолько безупречно, что мне вдруг захотелось немедленно испортить всю эту идиллию. Задетое женское самолюбие требовало вцепиться в это идеальное лицо и выцарапать стальные глаза — а потом оставить их себе в качестве сувенира на память. Но, вместо этого, мне пришлось стиснуть зубы и вернуться к работе.

И на что я, спрашивается, надеялась?

Студентка. Официантка. Неужели мой разум всерьёз рассчитывал, что на меня обратят внимание, возьмут в жёны и увезут куда-нибудь в Лондон? Это даже звучит смешно. Хотя, надо признать, имеет право быть: во всех романтических фильмах, сериалах и книгах такие вот богатые мужчины только и делают, что влюбляются в обычных девушек, устав от пафоса светских львиц. Видимо, мой англичанин до стадии "устал" ещё не дошёл. Он всё ещё купается в лу-

чах роскоши и получает от этого немалое удовольствие. А эта стерва с длинными ногами, судя по всему, умеет это удовольствие доставить.

— Good evening, (Добрый вечер) — вежливо приветствует англичанин, доставая по дороге телефон. Мой глаз непроизвольно дёргается от нервного скачка, и язвительный ответ вырывается прежде, чем я успеваю его остановить:

— Good night. (Доброй ночи)

Признаться честно, сейчас вечер. Но мне так захотелось оспорить любое сказанное англичанином слово, что в этом стремлении я едва не опозорила себя. Ибо даже Артём поднял брови и посмотрел на меня с весёлым осуждением, намекая какая я недалекая.

Мужчина остановился спиной ко мне, медленно обернулся — и посмотрел так, что дрожь непроизвольно пробежала по всему телу. То ли его удивила моя дерзость, то ли он прикидывал, достойна ли я ответа. А потом, боже, помоги мне, он ухмыльнулся. В самом прямом смысле этого слова: уголок красиво очерченных губ приподнялся, а в глазах заискрилось тёмное веселье, будто ему понравилось. Ну а мне больше и не надо. Сердце сделало кульбит, губы сжались, чтобы сдержать глупую улыбку, а глаза трусливо спрятали взгляд. Как бы глупо это ни звучало — мне понравилось, что ему понравилось. А потом он отвлёкся на телефон, обрывая этот губительный контакт прежде, чем я успела растечься лужицей у его ног.

А стерва выползла уже через две минуты — полностью готовая к показу мод. Красный топ с глубоким декольте, юбка того же цвета, полоска плоского живота между ними, красивая грудь, и — куда без них — те самые длинные ноги. Собранная, отглаженная, будто её только что достали из витрины и протёрли от пыли. На секунду меня накрыла зависть. А следом за ней, услужливо, как старый знакомый, поднялось чувство неполноценности. С моими генами мне пришлось два с половиной года помирать в спортзале — и всерьёз задуматься о пластическом хирурге. А эта брюнетка выглядит так, будто такими формами наградили её при рождении, вместе с именем и, наверное, квартирой в центре. Где справедливость, я вас спрашиваю? Хотя кого я спрашиваю.

— А где вино? — поинтересовалась мегера на чистейшем русском, — Мы заказывали вино.

— Просим прощения, но вина не было в заказе, — выступил вперёд Артём, отбирая у меня возможность ответить. Я всегда была услужлива даже с самыми омерзительными клиентами, но этот случай просто исключение из всех правил. Мне хочется язвить и бросаться грубостями. Нервы опять начали сдавать.

Девушка посмотрела на моего сотрудника таким высокомерным взглядом, словно её шокировал сам факт того, что он с ней заговорил. У меня задергался глаз — как обычно — и я, практически произвольно, сделала шаг вперёд, готовая, не знаю, защищать своего практически-друга от мо-

лекул язвительности, крутящихся вокруг этой мегеры. Но в это время появился англичанин, осмотрев сначала меня, уже потом переведя взгляд на свою любовницу. Неужели меня только что поставили на уровень выше какой-то профурсетки? Либо же я слишком высокомерна и самоуверена. А этого априори не может быть. Поэтому, англичанин явно предпочёл меня этой мегере.

— What's going on? (Что происходит?) — спросил он своим голосом, от которого мне, наверное, всегда будет становиться плохо. Может я просто романтизирую совершенно обычный голос? Нет, точно нет. Только одному звуку этого голоса хочется поклониться.

— We ordered wine, but they did not bring it. (Мы заказали вино, но они не принесли его.) — пожаловалась девица своим ломанным английским и обняла мужчину всем телом. Ее акцент ужасен. Я не утверждаю, что сама разговариваю на этом иностранном языке, будто на своём собственном, но я стараюсь улучшить свое произношение. А эта мегера-же совсем не старается. Будь у меня такой мужчина рядом, я уже давно говорила бы без акцента.

— Excuse me, but you didn't order wine. (Извините, но вы не заказывали вина.) — стараюсь держаться и не сорваться на крики обвинения в ее склерозности. Зато мегера не собирается поступать так же. Она отстраняется от англичанина, вылупив свои глаза лисьего разреза, и делает шаг в мою сторону, точно готовая вцепиться в мои волосы за подобное

неуважение.

— Have you not been taught that service personnel should stand in silence, while their guests, at the expense of which service personnel receive a salary, talk to each other? (Вас не учили, что обслуживающий персонал обязан стоять молча, пока гости, за чей счёт они получают зарплату, разговаривают?)

— We are... (Мы...) — попытался сгладить ситуацию Артём, но был прерван:

— She didn't say anything insulting, (Она не сказала ничего оскорбительного) — англичанин пригвоздил наглую девушку твердым взглядом; и я не смогла сдержать ухмылку. Выкуси, стерва, — And I truly didn't order a wine. It's your time to go home, my driver will take you anywhere. (И я вправду не заказывал вина. Тебе пора ехать, мой водитель отвезёт тебя куда пожелаешь.)

На секунду мне стало жалко эту мегеру. В этих тёмных глазах едва не стали скапливаться слезы, но потом ехидство взяло свое, и я наградила девушку самым высокомерным взглядом в своём арсенале. Кстати Артём тоже выглядел так, словно попал бесплатно на какое-то представление. И только спустя пару секунд он, будто очнувшись от транса, быстро стал собирать все лишние вещи и складывать их с молниеносной скоростью. Мне же ничего не следовало, кроме как последовать за сотрудником, пока мне не досталось. Потому что я едва выдержала этот смертоносный взгляд брюнет-

ки, когда она, словно ураган, пронеслась мимо нас, по дороге накидывая дорожную шубку на плечи. Смотря на нее мне стало жарко. Как летом в такую высокую температуру можно носить шубу?

— Stay. (Останься) — не успела я и шага сделать, как вновь остановилась, а вслед за мной и Артём. Его любопытство в данный момент играет против меня, и я мечтаю о том, чтобы он вновь достал свой телефон и уткнулся в него с носом.

— Beg you a pardon? (Извините?) — выдаю как можно спокойнее, обернувшись, надеясь, что мне послышалось, но англичанин делает жест Артёму. Мой напарник тут же ретируется, заметив твёрдый взгляд мужчины, забыв совершенно про меня. И вот, когда дверь захлопнулась, меня будто окатили ледяной водой. Чёрт возьми, сейчас начнётся что-то интересное или что-то трагичное?

— How old are you, Alice? (Сколько тебе лет, Алиса?) — задает вполне себе невинный вопрос, однако смотрит с таким видом, будто сделал это чисто из вежливости и заранее знает ответ.

Он обходит меня и становится сзади, практически прижимаясь к моей спине. И, о боже, это внезапно стало выглядеть как сцена из дорогого фильма, где главные герои стоят напротив панорамных окон с видом на весь город и ведут романтический диалог. Или же наоборот, занимаются непристойностями. И именно ко второму варианту относит-

ся эта ситуация, ведь поза у нас схожая. Мне осталось только немного наклониться и...

— Alice? (Алиса?) — возвращает меня в реальность мужчина, шепча имя прямо на ушко, посылая стадо мурашек вдоль позвоночника. В горле внезапно пересыхает; так вот что чувствуют девушки, пойманные в ловушку своих же страстей.

— Twenty, (Двадцать) — отвечаю с придыханием, чувствуя кончик его носа на своих волосах. Даже волосы стали чувствительны, а мозг ушёл в нокаут. Будь он сейчас в трезвом состоянии, то пошутил бы, что следующим вопросом должен быть: "И давно тебе двадцать?", хотя в той сцене было и другое число, но это не отменяет актуальность шутки.

— You are too young, (Ты слишком молода) — рассуждает вслух, никак не прикасаясь ко мне ни единым сантиметром своей кожи, а ведь это именно то, чего мне хочется сейчас: его прикосновений, — Why are you working here? Money? (Почему ты здесь работаешь? Деньги?)

— Pride, (Гордость) — отвечаю, практически не задумываясь. И, как мне кажется, я озадачила англичанина, который на секунду отстранился, будто не поверил в услышанное, а потом усмехнулся, словно о чем-то догадался.

— How's your hand? (Как твоя рука?) — резко отстраняется и становится напротив меня, смотря с высоты своего роста прямо мне в глаза. А мне, почему-то, стало внезапно холодно от одного взгляда. Чёрт, кажется он спрашивает

что-то про руку.

— Pretty good, thank you, (Достаточно хорошо, спасибо)
— отвечаю медленно, следя, как он снимает пиджак и садится на диван, широко разведя колени.

И вот моя фантазия вновь сыграла против меня, когда представила, как я сажусь между ними на пол, расстегиваю его увесистую пряжку ремня вместе со змейкой и... Мне приходится тряхнуть головой, чтобы отогнать подобные мысли, что помогает только на грамм. Возбуждение уже успело охватить пьяный от ощущений мозг.

— May I go? You need something? (Я могу уйти? Вам нужно что-нибудь?)

— I do, (Нужно) — улыбнулся он кончиком губ, — But not now. You can go, Alice. (Но не сейчас. Вы можете идти, Алиса.)

Выхожу из номера на ватных ногах, желая если не вырубиться, так просто умереть на месте. Почему-то мне кажется, что вся эта затея с англичанином не приведёт ни к чему хорошему. Он не простой парень моего возраста, как это может быть с Владом. Этот мужчина намного старше меня, опытнее Влада, да и к тому же богат и имеет большую власть. С такими людьми шутки плохи; они прошли через многое, ведь ни деньги ни власть не зарабатываются лёгким путем. Потому мое поведение может просто подорвать моё будущее, если не настоящее.

Всю оставшуюся смену я провела в мыслях о произошед-

шем и загадочной фразе, брошенной англичанином в конце. Значит ли это, что у него есть определённые намерения именно на меня? Или я опять слишком глубоко увязла в своих мечтаниях? Признаться честно, даже не смотря на то, что он старше меня, возможно, лет на десять, мне хочется почувствовать его силу на себе. Хотя бы на зло Владу, который в упор меня не замечает. Может, увидев, что у меня такие поклонники, ему станет совестно и слова о том, что я слишком хороша и молода для него перестанут иметь значение? Но в этом случае я выхожу манипуляторшей, которая готова использовать любые методы для достижения своих целей. Не то чтобы я против, но, опять же повторяюсь, это может выйти боком. Моих навыков все ещё недостаточно, чтобы тягаться с таким мужчиной, как этот англичанин. Кстати, я так и не узнала его имени. Надо будет спросить либо на стойке регистрации, либо у него самого. А последнее мне кажется менее вероятным.

Когда утром меня отпустили со смены всю уставшую от лишних мыслей и в принципе от бессонницы мне посчастливилось столкнуться с Владом, который только пришёл на смену, конечно же, в компании Илоны. Мои ногти впились в ладонь, вскрывая уже старые ранки, которые, как я считала, уже давно зажили. Парочка заметила меня и распрощалась, после чего Влад остановился напротив меня, слегка улыбаясь.

— Ночная смена?

— Ага, то ещё веселье, — я зевнула, совсем позабыв о рамках приличия, но, кажется, Влада это не смутило, — Желаю удачи на завтраке. Я помолюсь за тебя, чтобы Колесников не подсел, но ты тоже остерегайся его.

— Он после того утра не появлялся, — пожал плечами мой сотрудник, скользнув глазами по моему лицу, — Выглядишь не очень. Опять заболела?

— Не думаю, просто устала, — тут я не сдержалась и тепло улыбнулась, ведь, это можно посчитать за заботу, — Ладно, я пойду, выплусь на несколько дней вперёд. В конце концов у меня сегодня и завтра выходной.

Только я прошла мимо него, в приподнятом настроении, как мужская рука медленно обвила моё запястье, поворачивая обратно.

— Может сходим вечером куда-нибудь? — мои глаза можно подбирать где-то на выходе из гостиницы это точно, — В тот раз у нас не получилось, но я не прочь попробовать снова. Что скажешь?

— Неужели я так быстро выросла в твоих глазах? — подозрительно прищуриваюсь, — Что изменилось за это время? Твои перепады настроения меня пугают.

— Я вижу твои глаза, когда рядом со мной кто-то другой. — Влад выдохнул, словно эта новость лежала тяжким грузом у него на шее, — Мне действительно не хочется причинять тебе боли, потому я хочу попробовать ещё раз. Только теперь действительно сходить с тобой куда-нибудь, возможно, мне

даже не придётся разбивать тебе сердце. Как думаешь?

Да! Да! И ещё раз да!

Но с губ сорвалось только:

— Я подумаю о твоём предложении и дам ответ, когда проснусь, — вышло достаточно сухо, но он заслужил; все-таки я и вправду мучилась, пока видела его в компании других девушек, — А пока что запасись терпением и жди, — я опустила свой голос, прибавив ему загадочности и кокетливости, что сработало. Глаза Влада опустились на мои губы, и он сглотнул.

Когда я вышла из гостиницы, усталость как рукой сняло. Мне хотелось бегать и прыгать; радоваться жизни. Неужели у нас действительно что-то может получиться? Вечером мне надо быть на высоте, чтобы не разочаровать его. Я просто обязана затмить всех его подружек своей красотой и оригинальностью. Он должен увидеть во мне не только девочку, но и девушку. И для этого я сделаю вечером все.

Глава 4.

После долгого сна — в котором, между прочим, успели засветиться и Влад, и англичанин, причём оба вели себя так горячо, что я проснулась с абсолютно промокшим нижним бельём, — я наконец приступила к сборам. Предварительно, разумеется, написав своему потенциальному партнёру о согласии. Он ответил мгновенно: мол, ожидал примерно такого развития событий. И, как только пришёл со смены, тут же начал собираться.

Вот это меня слегка задело. Предсказуемая — не самый лестный комплимент для женщины, знаете ли. Хотя, если подумать, можно считать, что у нас космическая связь: он чувствует меня на расстоянии. Просто космос работает в одну сторону, и, судя по всему, это моя сторона. Ну и ладно. Усмехнулась — и пошла собираться.

Нахожу самый подходящий вариант, чтобы не казалось, будто я его соблазняю, а так, словно так хожу ежедневно. Из шкафа достаю тёмно-синий джинсовый костюм: короткая юбка, белая футболка, курточка сверху и кеды. Юбки я ненавижу всей душой — но эту купила из особой любви к цвету. И из-за курточки: она не длинная и не короткая, а ровно та самая, в самый раз. Носила её и с другим низом, и буду носить, потому что сегодня она — мой главный союзник в пленении Влада. Пусть наконец перестанет крутиться вокруг этой Илоны и заметит мою красоту.

И не важно, что красота эта не до конца натуральная. Она всё равно моя. Губы я накачала, как только появились свои деньги, — почти незаметно, только чтобы придать объём и цвет. Дальше по списку: наращённые ресницы, ламинированные брови, временами линзы, ежедневный макияж. Я на секунду задумалась, много ли во мне вообще настоящего, — и решила не углубляться. Вопрос риторический, ответ неприятный.

Закончив краситься, вылетаю из квартиры, успев поймать недовольный взгляд отчима. Ну ничего, придётся ему сми-

риться: я больше не ребёнок и в любой момент могу упорхнуть из дома. Хотя, конечно, пока не планирую. Оставлять маму с ним наедине — опасно. Так что упорхаю пока только до Влада. И, надеюсь, обратно — уже с ним.

Мы встретились в центральном парке, где Влад уже ждал меня на одной из лавочек, листая что-то в своем телефоне. Он выглядел вполне себе уставшим; не удивительно, после работы он идет на танцы и домой возвращается ближе к полуночи. Интересно, он пропустил сегодняшние занятия из-за меня, или у него сегодня выходной. Надо бы незаметно узнать об этом.

— Бу! — подхожу сзади и пугаю его, что не сработало; Влад просто повернул голову и улыбнулся, выглядя очень измученным. Стало как-то совестно. В отличие от него я успела выспаться, а он, как только пришел со смены, был вынужден опять уходить. Хотя, это ведь не я позвала его гулять, так что почему мне должно быть стыдно; — Надеюсь наша вторая попытка выйдет плодороднее первой, как ты считаешь?

Влад скользнул по мне взглядом, оценивающе задерживаясь на моих ногах. Мурашки немедленно устроили массовый забег по ногам. Неудивительно: на работе мы редко пересекаемся, а в те редкие разы я всегда в штанах. Так что его любопытство оправдано. Оправдано моей женственностью, которая — я буквально чувствую — довольно потянулась, выгнула спинку и мурлыкнула. Неужели мой план по соблазнению всё-таки сработает?

План соблазнения девиственницей опытного парня. Звучит как начало очень плохого анекдота.

— Надеюсь что это выйдет лучше, чем в прошлый не состоявшийся раз, — усмехнулся Влад, делая шаг ко мне, проверяя мою выдержку; — Если ты, конечно, готова рискнуть.

— Это вызов? — делаю аналогичный шаг навстречу, — Потому что я очень не люблю проигрывать и всегда стремлюсь к первенству.

Ему понравилось. Чёрт возьми, я буквально заметила искры удовлетворения в его зрачках и непроизвольно выпрямилась. Когда-нибудь меня погубит любовь к комплиментам или к самоутверждению за чужой счёт. Хотя, сомневаюсь, что моей и без того завышенной самооценке нужно чье-то одобрение.

Мы направились в кино, что стало неожиданностью. Честно, не ждала что первое свидание будет в столь интимной атмосфере. Плюс, меня не отпускает мысль, что это просто желание избежать лишних разговоров из-за отсутствия общих тем для обсуждения. Чёрт, только не говорите, что я настолько неинтересная персона? Возможно, мы провели слишком мало времени вместе и таким способом он пытается избежать неловкой паузы между нами, но со мной таких пауз обычно не бывает. Я всегда слишком болтлива. Даже в кино смогу начать говорить без умолку, если на меня нападет вдохновение.

Но в этот раз такого не произошло. Наоборот, слегка раз-

нервничавшись, я сидела тише мышки, лишь иногда похрустывая попкорном, который купил Влад. Признаться честно, не этого я ожидала, но так намного лучше. По крайней мере, в кино никто не сможет увидеть некой паники в моих глазах от ладони парня, что лежала на моем колене. Она появилась там сравнительно недавно, когда после очередного громкого звукового сопровождения фильма я подскочила, проклиная свою излишнюю эмоциональность и чрезмерную пугливость. Зато сейчас я испытываю только благодарность, ибо эта ладонь чувствовалась очень правильно на моей коленке. Будто все так и должно быть; словно мы были созданы именно для этого момента.

И пока я старалась всячески игнорировать тепло руки Влада, сам он ничего не замечал. Вероятно, он проделывал такой трюк уже не с первой девушкой, но мне хотелось думать, что только со мной он чувствует всю правильность момента. Кто бы мог подумать, что именно этот жест окажется таким успокаивающим для меня; я больше не прыгала от страха и сидела спокойно, точно замороженная картинкой на большом экране. Ложь и провокация: я потеряла весь интерес к фильму, как только эта чертова ладонь коснулась моей голой кожи. Бесхарактерное создание!

— Эй, принцесса? — Влад наклонился к моему уху, посылая табун мурашек по всему телу. — Можешь отмереть, фильм практически кончился.

Все, на что меня хватило — глупо кивнуть и продолжить

сверлить темный экран взглядом. Редко бывают моменты, когда я не могу подобрать слова; практически никогда. Однако сейчас мой язык точно забыл о своей функции. Мне хотелось быть сильной, независимой главной героиней при общении с Владом, но в реальности я стала той самой слабохарактерной подружкой главной героини, которая не может дать отпора предмету своего воздыхания. Бес попутал, никак иначе.

Влад оказался прав и уже спустя минут десять мы уже гуляли в парке, где я самозабвенно рассказывала о своих впечатлениях об этом фильме. Конечно, половина из моих слов была искусной ложью, но это не помешало Владу слушать меня с искренним любопытством и некими смешинками в глазах. Либо ему нравится моя эмоциональность, либо наоборот, она его смешит. Хочется верить, что первое. Мой первый парень — Боже, дай сил забыть его — говорил, что моя изюминка как раз в умении чрезмерно радоваться каждой мелочи. Жаль парня, мы были неплохой парой, пока он не решил прочистить пыль во рту у моей тогдашней одноклассницы.

— Почему международные отношения? — задал вопрос Влад, когда мы, купив мне сладкую вату, а ему сигареты, уселись на одну из лавочек, слушая мягкую мелодию парня с колонкой. Я даже поперхнулась от этого вопроса, не зная как объяснить свой выбор. Не то чтобы он был странным, но всё же не этого от меня ожидали в семье.

— Мои родители хотели, чтобы я стала медиком. — начала я издалека, внезапно потеряв весь запал смеяться и улыбаться, — Вся семья желала видеть меня в белом халате, со скальпелем в руках, но меня это никогда особо не интересовало. Нет, конечно, я смотрела "Анатомию Страсти" и желала стать одной из участниц подобной жизни. Но это же сериал, где происходят интриги лишь для шоу, в реальном мире не так. Наверное, я не смогла бы выдержать чужую смерть на своих руках, — я легко пожала плечами, ощущая интерес от Влада, который курил свою сигарету с какой-то грацией, — Потому я пошла дальше, поставив перед собой целью стать кем-то не менее важным, но более властным. В силу своего детского максимализма, я вижу свое будущее только на верхушке пищевой цепи. Это смешно, не так ли? Посмотрев на меня сейчас, никто и не скажет, что я смогу чего-то добиться. Особенно в дипломатии, в мире, где мужчин все ещё ставят выше женщин. Назови меня помешанной, однако я нуждаюсь во власти так же, как и ты нуждаешься в воздухе.

— Тебе нужна власть не для себя, я прав? — Влад привлек моё лицо к себе, вглядываясь настолько пристально, что, будь я поскромнее, то уже отвела взгляд, — Тебе нужна власть для кого-то. Чтобы что-то кому-то доказать, не так ли?

Вот она. Граница. Мне стоит сделать шаг назад, пока не стало поздно, иначе все кончится крахом моей нервной системы. Никто не смеет забираться настолько глубоко в мою

душу. Даже если это Влад.

— Да брось, — я вызывающе ухмыльнулась, закусив губу, — Власть как наркотик. — моё лицо придвинулось ближе к его, оставляя лишь тонкую грань воздуха между нашими губами, — Она опьяняет. И лишь глупец не захочет её использовать.

Влад улыбнулся. Мне нравится его улыбка, особенно когда на щеке появляется эта проклятая ямочка. Хочется поцеловать её, убедиться в реальности его кожи. Но я сдерживаюсь, не делая никакого движения, передавая первобытность момента в руки парня напротив. Который не спешил, рассматривал моё лицо, выискивая нечто, неизвестное мне. А я позволяю. Сажу обездвиженной, точно восковая фигура и жду вердикта. Даже не знаю какого. Может он сравнивает меня в голове с Илоной? Надеюсь баллы идут в мою копилку.

— Ты очень красивая, знаешь? — он не отстраняется, продолжает сидеть все так же близко, от чего мы дышим одним воздухом; но мой застревает в горле, не поступая в лёгкие, — Будь ты видом танца, была бы танго. Танец страсти и любви, полный жизни и надежды.

— Тогда стань моим партнёром! — вырывается произвольно, от чего щеки мгновенно зажглись, будто их охватил огонь, — Мы были бы отличной парой, не считаешь? — и как обычно, я перевожу свою глупость в шутку, — Ты весь такой умеешь танцевать, а я сама по себе танец. Знаешь, я ведь в детстве ходила и на латино-американские танцы, и на

хип-хоп, и даже были грузинские танцы. Но мне так и не удалось найти себя в этой сфере. Может ты сможешь мне найти мой путь?

Он вдруг встал, протянув мне руку. Я нахмурилась, не до конца осознавая, что он задумал. И тогда я вспомнила о музыке, что сопровождала весь наш диалог, но не слышала её.

Влад мягко увлек меня за собой, пока мы не дошли до того самого парня. Вокруг него уже столпились люди; некоторые танцевали, многие смеялись и хлопали, а были и такие, кто подпевали. Мы же вышли в самый центр, слыша новый всплеск хлопков. Меня на секунду охватило острое смущение, но в следующую секунду Влад обхватил мою талию рукой, прижимая к своему твёрдому телу и все мысли исчезли; просто разбежались. Остались только мы в ритме этого страстного ритма песни. Парень повёл меня, превратив в глину в своих руках. Я не знала танца — пару раз видела в фильмах, а на деле никогда не повторяла — но Влад подстраивал меня под себя, превращая мои неловкие движения в искусство.

Моя рука лежала на его плече, сжимая не то от нервозности, не то от простого желания прикоснуться к нему. Вторая же находилась полностью в его власти; и он держал её так легко, что не задевал болезненную от ожога кожу. Это действительно было похоже на настоящий танец; на страсть и любовь, переплетенные в одну тонкую нить. Я смеялась, пока Влад улыбался и продолжал вести меня, под аплодисмен-

ты присутствующих. Такое волшебство я чувствовала впервые, не желая, чтобы музыка когда-нибудь заканчивалась.

Но у всего хорошего есть конец. И музыка перестала играть. Мне хотелось завывать от разочарования. А потом произошло то, что полностью лишило меня способности здраво мыслить.

Губы Влада опустились на мои с такой нежностью, что ноги подкосились, и только его руки удерживали меня на месте. Я открылась практически сразу, позабыв даже о глотке воздуха, даря каждую частичку кислорода ему. Его губы осторожно исследовали мои, будто он боялся отказа, что было невозможным. Я скорее откажусь дышать, чем от этого поцелуя. Особенно когда его руки опустились чуть ниже моей талии, поглаживая поясницу и буквально вжимая меня в себя. Моей радости не было предела, так же как и моему раздражению, когда люди, вдруг захлопавшие пуще прежнего, отвлекли нас.

Позже, когда я направилась к Жене, мой мозг все ещё был похож больше на кашницу, чем орган. И потому получаю выговор от сестры:

— Твоей пунктуальности можно позавидовать, — грубо шутит она, впуская меня в квартиру.

— Я опоздала лишь на час, не утрируй.

Женя смеётся, проходя на кухню. Следую за ней тенью,

замечая купленную готовую пищу. Не одна я не умею готовить в этой семье. Но, в отличие от сестры, я хотя бы пробовала, а не забросила это дело после вида сырого мяса.

— Поможешь что-нибудь сварганить? — интересуется Женя, хватая большой нож, — Мой желудок скоро начнет кричать о помощи, если я продолжу так питаться.

— Ты уверена, что это хорошая затея? — подозрительно смотрю на куриную грудку. Мой мозг все ещё с трудом может сконцентрироваться на чем-то, кроме покалывания в губах.

— Если что, мы хотя бы попытались, — пожимает плечами сестра и начинает чистить лук.

— Завтра день рождение бабушки, придешь? — спрашиваю между делом, сбросив с себя курточку. Не смотря на поздний вечер, на улице, да и в квартире все так же жарко.

— Чтобы вновь вступить с ней в полемику? Увольте.

— Она член нашей семьи, хочешь ты этого или нет. Соглашусь, порой она бывает слишком... Мм... Строгой. Но войди в ее положение, она старых взглядов. Для нее семья на первом месте.

— Для нее на первом месте состоятельные родственники, — парирует Женя, — Если ты выйдешь замуж в ближайшие полгода и подаришь ей внуков, то станешь на одну ступень выше в ее глазах; а если твой муж ещё и какой-нибудь бизнесмен, делающий по миллиону в один день, то и впрямь станешь самой любимой внучкой. А твой жених, как самый ближайший родственник лично для ее бизнеса, станет ее спон-

сором. Как удобно.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты и вправду стерва?

— Каждый день.

Задумываюсь над словами Жени. В них однозначно есть смысл, и я не раз задумывалась над этой теорией. В детстве бабушка всегда причитала нам о выгодном замужестве; богатом муже и обеспеченной жизни. Что, однако, может быть лучше? Бабушка всегда забывала о женском счастье. Для нее оно заключалось в деньгах, но не для меня, Жени или Сони. Мы втроём пошли ей наперекор.

Соня вышла замуж за небогатого человека. Предпочла поставить духовные ценности выше материальных. Доказала, что для нее важны чувства, а не деньги. И теперь воспитывает прекрасную дочь, сидит дома и радуется своей судьбе.

Женя отказалась и вовсе прочно связывать свою судьбу с кем-то. Она выбрала для себя карьеру, а не семью. Стремится к высотам и не боится трудностей на своем пути. Я восхищаюсь стойким характером своей сестры. Каждый упрек в ее сторону отскакивает от ее внешней брони, не задевая ее.

Ну а я... В мои планы не входит свадьба ближайшие несколько лет. Сколько бы бабушка не пыталась, деньги другого мужчины меня не устраивают. Мне стоит самой задуматься о благосостоянии своей жизни. Нужно зарабатывать столько, чтобы быть равной своему мужу, а не зависеть от него. Надеюсь, если у нас с Владом что-то получится, то мы вместе сможем "вырасти". Будем поддерживать друг друга,

и через парочку лет скрепим наш союз браком. А для начала нужно пройти много трудностей вместе и доказать, что мы достойны друг друга.

— Как у тебя дела на работе? — хватаю грибы и нарезаю их на четвертинки.

— Все хорошо, — сухо отвечает Женя, — Подай зелень, пожалуйста, — передаю ей зелёные листья и тут же возвращаюсь к своему делу, — Никто ещё не знает... Мне предложили работу в Канаде. Пока что я в раздумьях, но скорее я уеду.

— Это ведь круто, Женя! — широко улыбаюсь достижению сестры, — Ты ведь всегда мечтала работать за границей. Такой шанс выпадает не каждый день. Не упускай его. Хотя бы назло бабушке.

Мы обе хихикаем. Однако напряжение не отпускает Женю. Я вижу ее душевные метания. Если я ее спрошу, что ее пугает, она мне точно не ответит. Женя привыкла справляться со своими проблемами одна (наверное, это семейное и сидит где-то на одной из хромосом в генетике). Что-то ее удерживает от молниеносного согласия на предложение. Что-то не отпускает. Я вижу это ее мучает. Мне хочется послушать о ее проблемах, дать возможно совет, но Женя молчит. Продолжает резать зелень, параллельно помешивая лук на сковороде. Надеюсь мы не спалим его. А вместе с ним и половину квартиры. Но пока что все проходит спокойно. Мы даже ни разу не порезались.

К полуночи мы управились. То, что мы приготовили не было сильно экзотическим, но мы были рады и этому. Правда, я все-таки спалила картошку, спасло лишь наличие ума и умение подстраховываться: картошки мы почистили достаточно много, чтобы избежать похожих казусов. И ещё одно открытие, мы не умеем распределять соль. Один салат вышел пересоленным, а другой — наоборот — недосоленным. Один мы выбросили, а второй оставили. Лучше мы сами до-солим, нежели весь салат будет сплошной солью.

Сейчас мы лежали в ее царской кровати и смотрели "Властелина колец", проникаясь атмосферой Средиземья. Фильм вышел слишком давно, но смотрим мы его каждый год, что стало некой традицией в нашей семье. В детстве, я смотрела с мамой. Будучи подростками, мы всегда собирались вместе с Женей и Соней и смотрели вместе. А сейчас, когда времена изменились, я смотрю с разными людьми. И все же в большинстве случаев это Женя.

— Я связалась не с тем мужчиной, — тихо произносит Женя, смотря на экран телевизора, следя за моментом, когда умирал Боромир, — Погналась за деньгами и полюбила того, кто совсем не любит меня. Как иронично. Раньше я смеялась над любовью, а сейчас хнычу от безответного чувства. — лежу молча, не нарушая момента откровения, — Говорят, любовь делает людей слепыми. Скажу от себя, она лишает нас способности правильно мыслить. Мне страшно, Алиса. Кажется, что я уже не принадлежу себе. Будто все в тумане.

Почему это так?

— Твое вечно холодное сердце впервые почувствовало тепло любви, Женя. Этого не стоит бояться, наоборот, откройся этому чувству. Ты не потеряешь себя, ты откроешь новые стороны своей души. Умение чувствовать делает нас живыми. Кем бы ни был тот мужчина, я хочу пожать ему руку. Честно. Никто ещё не смог вызвать в тебе таких чувств.

— Ты, как недоврач, должна знать, что сердце может разбиться от безответной любви, в прямом смысле. Но продолжаешь твердить, что любовь это божественное чувство.

— Лучше хоть раз почувствовать ее, чем потом жалеть, что не получилось. Жизнь лишена смысла без любви. Сыграй в ящик. Может тебе повезет.

А сама вспоминаю о сегодняшней встрече с Владом. Сердце заколотилось вдвойне, губы пересохли. Мне вновь захотелось ощутить мягкость его рта на своём.

— Ненавижу неопределенность.

— Любовь полностью состоит из спонтанностей, моя дражайшая сестрица. — Женя смотрит исподлобья, пока субтитры проносятся по черному экрану, — Ещё одну часть?

Глава 5.

Горбатого исправит только могила. Так говорят. И так оно и есть на самом деле.

Вчера, когда мы с Женей разговаривали о бабушке, я защищала её, думая, что эта женщина не настолько меркантильна и все ещё ставит в приоритет свою семью; однако сей-

час, на этом чёртовом ужине в честь дня её рождения я убедилась, что никогда не была глупее.

Все началось весьма спокойно. Ближе к вечеру, когда в доме собрались не только члены семьи, но и партнеры бабушки, мы все сели за роскошный стол. И это не преувеличение. На этом столе можно найти абсолютно любую еду, которую только пожелает твоя душенька. Сразу начались разговоры ни о чем, просто ради соблюдения приличий и из некоего лицемерия. Мы с Соней сели вместе, что облегчило мне жизнь и спасло мои уши от этого потока двуличия. Сестра сразу начала расспрашивать меня о работе, постепенно подводя диалог к предсказаниям о моем ближайшем будущем. Источник ее любопытства был ясен с самого начала, но лучше я напридумываю какой-нибудь ерунды, говоря только часть правды и едва затрагивая тему Влада, чем буду слушать о новых планах бизнеса бабушки.

— Мама! Я хочу торт! Когда будет торт?! — возмущенный голос Кати, моей племянницы, в миг искоренил все разговоры за столом. Даже я, со своим весьма нейтральным отношением к детскому лепету, улыбнулась, умиляясь этому маленькому человечку.

Катя просто невероятная, с этими большими зелёными глазками, особенно когда она увеличивает их, как кот из Шрека, в желании добиться своего. Ну, прямо как сейчас. Порой я задумываюсь, на кого она больше похожа; и каждый раз убеждаюсь, что это чисто наша порода. Её отец и муж

Сони, Саша, вполне себе спокойный и уравновешенный человек. Ему не свойственны эмоциональные всплески, в отличие от Софии, которая, так же как и все женщины в нашем роду, моментально вспыхивает и сжигает всё на своем пути. Однако, не могу не отметить, после рождения ребёнка её гонор поубавился, уступив место чему-то спокойному и ласковому. Если дети так меняют характер, я отказываюсь заводить их ближайшие несколько десятилетий. Меня вполне устраивает и мой безбашенный характер.

— Катенька, ты же знаешь, сначала нужно покушать нормальную еду, а потом уже закусывать тортиком. — начала причитать Соня, вытирая рот своей дочери, которая измалася в, кажется, майонезе. Девочка сразу надулась, отвернувшись от матери, уставившись на отца с, я уверена, мольбой в глазах. Этот маленький чертёнок знает на кого воздействовать больше.

— Ах дети, цветы нашей жизни! — запричитала бабушка своим низким, командным голосом и все её подружки закивали, явно соглашаясь, — Что ещё нужно женщине для счастья?

— Свобода, независимость, деньги, гордость. — фыркнула Женя, которая все же пришла на праздник.

Сегодня утром, когда я уходила от Жени, к ней в квартиру пришла моя тётя Анна. И видимо только ей удалось каким-то способом уговорить мою сестру прийти. А то что она была против, можно прочесть на её лице. Зелёные глаза метали

искры, а губы были сжаты на протяжении всего вечера. Зато сейчас очередной её вызов бабушке может кончиться плохо. Лучше бы она молчала.

— Твой юношеский максимализм обоснован, моя дорогая внучка! — улыбнулась бабушка. Но это явно не была улыбка "ЯВерюВКаждоеСвоеСлово". Нет. Это была улыбка "НеСмейПеречитьМнеНаЛюдях". — Помню в её возрасте я думала так же, честное слово, потом поумнела. Я ведь поэтому не давлю на двух внучек, чтобы они поскорее вышли замуж. Ибо в их годы меня тоже тянуло к свободе и развлечениям. И только к двадцати пяти годам я осознала, что нет ничего важнее семьи.

— Люда, даже не говори! — поддержала бабушку какая-то её подружка, имени которой я ни разу не слышала. Не велика потеря. — Но где было наше время. Сейчас у молодёжи нет никаких моральных ценностей. Им бы только пить да гулять, а потом на стороне себе заделают детей и рожают. У моей знакомой дочь родила от какого-то барыги и поставила мать перед известностью только на предпоследнем месяце беременности. Деваться было некуда, вот и воспитывают сейчас отпрыска, не зная имени отца.

— Я уверена, мои девочки так никогда не поступят! — её холодный взгляд сначала мазнул по лицу Жени, потом обратился ко мне, давая немое предупреждение и угрозу расправы, если мы просто подумаем о таком, — Ребёночек должен родиться непосредственно в семье и воспитываться в ней.

Вон, как Катюша наша, не так ли, дорогая?

— Да! — выкрикнула племянница и захихикала, не понимая с чем соглашается. Зато Женя выглядела менее радостной.

Бросив на неё взгляд, я вздрогнула: Женя была бледной, почти серой, будто из неё разом выкачали весь цвет. Кулаки сжаты так, что побелели костяшки, а в глазах — такое, что бабушку, кажется, можно было испепелить прямо на месте, не сходя с этого стула. На секунду мне почудилось, что она сейчас кинется на неё. Не закричит, не вступит с ней в конфронтацию, а именно безжалостно кинется. Но вместо этого Женя встала из-за стола, коротко извинилась и вышла. Я едва удержала себя, чтобы не броситься следом — обнять, утешить, хоть как-то закрыть её собой от всего этого. Женя не обрадуется такому проявлению чувств. Она вообще редко чему-то радуется — а тут точно не тот случай. Я осталась сидеть. И это было, пожалуй, самое сложное — просто сидеть.

— Ну-ка, Алиса, расскажи, нет ли у тебя кого-нибудь на примете? — обратилась ко мне все та же скверная старуха, от которой меня уже начинало подташнивать. — У такой красавицы не может не быть толпы поклонников.

— А Алиса у нас хочет стать послом! — рассмеялась бабушка, будто это было самой глупой вещью в её жизни; гнев проснулся внезапно, — Ну ничего, я уже нашла для нее приметного жениха. Помнишь Лизу, мою подругу, у неё как раз внук возраста Алисы. Вот, думаю, как бы свести их наконец.

— Мама! — вдруг включилась моя мама, пока я поднимала челюсть с пола, — Алиса сама найдёт себе жениха, когда будет к этому готова. Бога ради, оставь её сейчас.

— Вот именно бабушка, — согласилась Соня, — Алиса взрослая девочка и сама в состоянии построить свою личную жизнь. Плюс, ты и так знаешь ее характер. Если сделать что-то не так, как она этого хочет, то жди беды.

— А меня ты не хотела спросить? — произношу медленно, досчитав в голове до десяти, чтобы успокоиться. Дипломаты должны быть уравновешенными и не поддаваться эмоциям.

— А зачем тебя спрашивать? — хохотнула бабушка, отпив из своего бокала, — У тебя голова забита непонятно чем. Какая-то дипломатия, международные отношения, посольства. Внученька, поверь моему богатому опыту, это все не сможет заменить тебе любви своего ребёнка.

— Потому ты сейчас одна, да? — с каждым словом, мой голос становится все выше и выше, — Потому твой муж сбежал от тебя, променяв на простужку, по твоим словам? Потому тебе пришлось воспитывать двоих дочерей без помощи их отца? Это-ж насколько быстро дедушка бежал от тебя, что забыл о своей семье?

— Следи за языком, девочка. — голос её оставался таким же холодным, и мне вдруг захотелось вывести ее на эмоции, которых она никогда не показывала нам, — Твой дедушка был слаб и не выдержал сильной женщины подле себя. Пер-

вый блин всегда комом, прямо как у твоей матери, не так ли, Наташа?

— Не смей впутывать в этот разговор мою мать! — взрываюсь моментально, распрощавшись с контролем, — Это моя жизнь, не её, и уж точно не твоя! Если я сказала, что не хочу выходить замуж, значит так и будет. Лучше я буду всю жизнь одна, чем мужчина убежит от меня!

— Пошла вон.

Я замерла с открытым ртом, чувствуя, как не хватает воздуха. Слёзы подкатили к глазам, но я не позволила им скатиться. Она не получит их. Не в этой жизни.

Выхожу из-за стола, слыша, как все начали спорить, но это не мои проблемы. Я выбежала на улицу, вдыхая глубоко тёплый вечерний воздух. И только сейчас слёзы потекли по щекам. Никто не смеет смеяться над моими планами и мечтами, никто не смеет решать что-либо вместо меня. Я не позволю этого даже своей собственной матери, не говоря уже о бабушке. Кто она такая, чтобы принимать решения о моем будущем? Уж лучше я стану изгоем в семье, чем позволю к себе подобное отношение!

Так было всегда.

Воспоминания проплывают перед взглядом, пока я вышагиваю по берегу реки.

После того, как дедушка бросил бабушку, она будто помешалась. Стала строить свой бизнес и вбивать дочерям, что стоит найти себе богатого мужа. Зачем? Чтобы даже после

развода у них остались деньги. А может, чтобы её зятя вкладывались в её собственный бизнес, который стал её третьим ребёнком. И кажется, ей стоило всячески уверять дочерей, что брак это зло, мужчины козлы, а клятвы в любви не вечны. Но нет же. Всё произошло с точностью да наоборот.

Вот только одна её дочь последовала её советам. И это точно не моя мать. А Анна, моя тётя.

Её муж, Алексей, вполне себе состоятельный мужчина, который работает юристом. Как только они поженились, моя тётя стала домохозяйкой, хотя хотела стать стоматологом. Она всегда уверяла нас, что ничего не потеряла, ведь зимой у нее всегда есть тепло, а летом прохлада. Но все же говорила, что лучше сначала добиться всего самостоятельно, и уже потом выходить замуж. Ведь, если вдруг Алексей решит развестись, то у Анны нет никакого образования, чтобы работать по профессии. И останется она на улице без денег, ибо её мать её не примет.

Откуда такая уверенность? Она не приняла мою мать и меня, когда мама развелась с папой. Бабушка просто отказалась приютить дочь, не то чтобы помогать ей финансово. Потому мама горбатилась на двух работах, пока не встретила второго мужа и жить стало немного легче. Хотя это тоже спорное утверждение.

И что мы имеем в семье? 4 замужние женщины и только одной повезло с мужем — Соне. Даже гадалка это сказала. Вспомнив слова гадалки, я внезапно поежилась.

"Ты уже встретила того, кто подарит тебе все, чего ты желаешь. Наполнит жизнь красками, но потребует ее же взамен. Женщине не следует выбирать мужчину, энергетически сильнее ее, иначе он ее растопчет. Но у тебя не будет выбора. Вижу тернистый путь, и выбор сложный. Либо настоящее, либо будущее. Совсем скоро тебе предстоит его сделать, но подумай хорошо, готова ли ты к последствиям этого выбора, Алиса."

Что, черт возьми, это значит и почему я вообще об этом думаю?

— I do not think, that walking alone in this time is safe for such young lady (Я не думаю, что для такой юной леди безопасно ходить одной в такое время).

Совпадение?

И как только я оборачиваюсь, начинаю бессмысленно смеяться, после чего хохотать. Передо мной возвышается англичанин, в неизменно идеальном костюме, только теперь без пиджака и с закатанными до локтя рукавами.

— Vice versa (Наоборот), — произношу от души посмеявшись, — It's not safe for such handsome man (Это небезопасно для такого красивого мужчины).

— Handsome? (Красивого?) — переспрашивает он, пробуя это слово на вкус, — I will get it as a compliment, Alice. What are you doing here? (Приму за комплимент, Алиса. Что ты здесь делаешь?)

— Walking, as you've mentioned! (Гуляю, как ты отметил!)

— развожу руками, начиная постепенно ерзать под его пристальным взглядом, — And I'm going to continue my walk, if you don't mind (И собираюсь продолжить свою прогулку, если ты не возражаешь).

— I do mind. Come, we can take a sit somewhere in the restaurant (Я возражаю. Пошли, сядем где-нибудь в ресторане), — его голова склоняется набок, а в глазах загорается вызов. Он проверяет меня на прочность.

— I won't go to the restaurant with a person whose name I still don't know! (Я не пойду в ресторан с человеком, имени которого я до сих пор не знаю!)

— Alexander. But you can call me Alex (Александр. Но ты можешь звать меня Алекс).

Это было быстро. Невероятно быстро. Я искренне ожидала отпора, некого спора, но ничего не было. Он просто взял и назвал свое имя, будто в данный момент мог сделать еще много вещей, лишь бы я согласилась.

И тогда, не имея больше причин для отказа — а может мне просто не хотелось их иметь — я покорно киваю. Александр разворачивается, уверенный, что я последую за ним и не ошибаюсь. А что, собственно, плохого в этом решении? Я все еще свободная девушка, с Владом мы не определились, не желая торопить события. Так что у меня есть право на ужин с любым молодым человеком — или просто мужчиной, — который пригласит меня в ресторан. Плюс ко всему, к Александру появляется какая-то симпатия, граничащая с

безудержной страстью. Это так странно. В то время, как моя душа тянется к одному парню, тело не прочь попробовать ласки совершенно другого мужчины. Можно ли считать это первыми признаками шизофрении? Ну а вдруг у меня в голове появилась вторая личность, потому у меня в голове частый диссонанс, и это совершенно не связано с моим знаком зодиака, как привыкла считать моя мама.

Александр подводит меня к черной тонированной машине, впереди и сзади которой стоят такие же машины. Охранники. Открыв мне дверь машины, мужчина помогает мне забраться внутрь и вдохнуть приятный аромат. Клянусь, мой отчим часто меняет ароматизаторы, которые считает приятными для машины, и это так, я не спорю, но этот аромат в машине Александра, он просто ни с чем не сравним. Будто просто запах нового автомобиля, но с примесью древесного угля что-ли.

Мужчина садится рядом со мной, с весьма заинтересованным выражением лица. Честное слово, я даже понятия не имею, о чем он сейчас думает, покуда его холодные глаза не выражают ничего. И даже любопытство я узнала в его мимике именно по слегка прищуренному взгляду. В остальном же — чистый лист, белоснежное полотно. И, чёрт возьми, мне бы взять пару уроков у него по умению сдерживать эмоции.

Машина мягко трогается с места, настолько плавно, что мне аж стало не по себе. Машина моего отчима едет с какими-то неполадками, особенно при тормозе она беспощад-

но скрипит. А этот автомобиль едет так же мягко, как нож скользит по подтаявшему маслу. Но это последнее, о чем я думаю.

Находясь в одной машине с Александром, мне становится... Жарко. Он так близко, что стоит только слегка протянуть руку, как я смогу до него дотронуться. Назовите меня законченной дурой, но его хочется касаться. Особенно сейчас, когда его тело расслаблено, закатанные рукава открывают вид на жилистые руки, а голова откинута на сидение с прикрытыми глазами. Чёрт, он так сексуально выглядит, что у меня возникает желание оставить поцелуй на этой могучей шее.

И словно услышав мои мысли, его глаза распахиваются и устремляются прямо в мои. В них мелькает что-то уверенное, грозное, и до упаду горячее. Кажется, будто мы думали сейчас об одном, но я не уверена. И поэтому, не выдержав этого пристального взгляда, отворачиваюсь, смотря в окно. Почему я вообще здесь? Как можно было сесть в машину к незнакомому мужчине, не смотря на то, что знаешь его с работы. Это совершенно другое.

— Where does such knowledge of English come from? (Откуда такие познания в английском?) — спрашивает мужчина, разбавляя тишину в машине. Сразу бросаю взгляд на водителя, который продолжает умиротворенно рулить, точно его не волнует ничего, кроме дороги.

— My program implies high-level knowledge of the

international language (Мой факультет подразумевает знание международного языка на высоком уровне). — отвечаю медленно, пытаюсь занять руки, потому просто начинаю тереть юбку своего платья, — I'm also studying French, cause it's second language of diplomacy; and Korean, just because I'm in love with their culture (Я так же изучаю французский, ибо он является вторым языком дипломатии. И корейский, просто потому, что я влюблена в их культуру). — он ничего не отвечает, а я продолжаю, внезапно осмелев: — I always thought that I would study German at the university, because today Germany is an advanced country, despite mistakes in the past. But then I was carried away by Spain, by its passion. So in addition to other languages, I also know Spanish. And thanks to my tremendous love for Turkish TV shows, I was able to learn this language too. You can consider me gifted, not just bilingual (Я всегда думала, что в университете буду изучать немецкий, ведь на сегодняшний день Германия передовая страна, не смотря на ошибки в прошлом. Но потом меня увлекла Испания, своей страстностью. Так что помимо остальных языков, я знаю ещё и испанский. И благодаря своей огромной любви к турецким сериалам, я выучила и этот язык тоже. Можешь считать меня одаренной, не просто говорящей на нескольких языках).

— Have you ever been abroad? (Ты когда-нибудь была за границей?)

— Not yet (Пока нет), — отвечаю уверенно, внезапно

почувствовав тоску, — Actually, I once had a chance to go to France. But it failed. Never mind (На самом деле, у меня был однажды шанс на посещение Франции. Но она провалилась. Не обращай внимания).

Я помню тот момент, после которого практически месяц провела в слезах.

Это было меньше полугода назад — когда мне вдруг выпал шанс улететь в самую романтическую страну на свете, на конференцию. Студентов первых курсов туда обычно не берут, но для меня сделали исключение: я им понравилась. Французы сначала влюбились в моё мотивационное письмо, а потом — в меня саму, на виртуальной встрече. Как и всем участникам, мне обещали перелёт, проживание и безопасность. Еда и карманные расходы оставались на мне — но это, честно говоря, мелочи. Настоящие путешественники, вроде меня, отдали бы все свои сбережения за такой шанс. Однако, моя семья решила иначе.

В то время я не работала, и полностью зависела от своей матери. Которая была практически согласна с моим отъездом, но потом вклинился отчим. Уж он-то сыграл одно из ключевых ролей в запрете моей матери. Со словами: "Таки-ми темпами она выскочит там замуж и оставит тебя одну, ни капли не пожалев об этом!" — он усердно промывал маме мозги. А также бабушка, которая едва волосы себе на голове не вырывала, крича: "Никто в этой семье и шагу не сделает за границу, пока я жива!". Общими усилиями, я осталась дома,

со сломленными крыльями и разбитыми мечтами.

Не описать те чувства, которые я испытала. Наверное, это был единственный момент в моей жизни, когда я была действительно близка к своего рода депрессии. Спасла лишь мысль о моем великом будущем, если я не опущу руки. Не знаю что случилось бы, не появись эта мысль в моей голове. Вероятно, что-то ужасное.

— What happened? (Что случилось?) — заинтересованно спрашивает Александр, слегка напугав меня. Такое любопытство не приведёт ни к чему хорошему. А моё не умение замолчать вовремя однажды меня погубит, запомните мои слова.

— Nothing, that I couldn't handle with (Ничего, с чем я не смогла бы справиться).

Александр прищуривается, но ничего не говорит, чему я очень благодарна. Ему даже не стоит давить, просто лишь задать ещё один вопрос, как я вывалю все на него. После сегодняшней потасовки мне очень хочется поделиться всем хоть с кем-нибудь. Пусть это будет англичанин, с которым мы, вероятно, больше не встретимся, когда он уедет. Мне плевать. Мне просто хочется немного побыть слабой, а не той, кто сможет справиться со всем.

Когда машина все так же плавно тормозит, мои глаза едва не вываливаются с глазниц. Чёрт возьми, мне придётся оставить в этом ресторане по меньшей мере всю свою зарплату!

Глава 6.

Мне приходится скрыть своё удивление за привычной маской беспечности, пока Александр помогает мне выбраться из автомобиля. Это так по-джентельменски, что мне вновь с трудом удаётся сдержать шок. Не то чтобы я росла или жила в обществе первобытных мужчин, но не многие в наше время не поленятся и помогут девушкам при выходе из машины.

Пропуская меня вперёд, мужчина отдаёт распоряжения своим охранникам, которые я особо не слышу, ибо погружена в свои мысли о том, хватит ли Александру денег, чтобы оплатить и мой ужин тоже. Не то чтобы я очень бедная, оплатить смогу, но в таком случае придётся отменить свой сеанс на эпиляцию, а этого точно не хочется. Будь это ещё реснички, то ладно, но вот это нельзя ни в коем случае отменять. Может водички попить и не есть? А в случае вопросов ответить, что я уже наелась, или я на диете. Можно придумать много причин, почему я не буду есть, а просто глядеть в чужую тарелку со слюнками на губах. Плевать.

На входе нас встречает хостес с глубоким вырезом на груди, открывая вполне себе завидный вид. Автоматически скрещиваю руки на груди, скрывая недостатки генетики. А девушка встречает меня с заученной улыбкой, но на лице появляется восхищение, когда она смотрит мне за спину. Тянет треснуть её по голове за то, что она начинает откровенно пялиться на моего кавалера (неважно, что Александр мне незнакомый мужчина, совершенно никто, сейчас мы с ним

вместе на ужине, значит он полностью принадлежит мне).

— Добро пожаловать! — начинает распинаться она, а я совершенно не мешаю её триумфу, ведь Александр ни черта не понимает на русском, — Мы очень рады приветствовать вас в нашем ресторане. Вам столик на двоих?

— Да, девушка, столик на двоих, — улыбаюсь ей самой желчной ухмылкой, на которую только способна, — С лучшим видом. И побыстрее, я не люблю ждать.

Боже, скажи мне это кто-то на работе, он бы уже лежал на полу без сознания. Но эта девушка видимо не промах. Она быстро кивает и тут же начинает шуршать своими листиками, после чего разворачивается на каблуках и, соблазнительно покачивая бёдрами, провожает нас к месту. Боковым зрением слежу, куда направлены глаза Александра и с удовольствием отмечаю, что явно не на хостес. Более того, мне кажется, словно его глаза скошены на меня в оценивающем жесте. Чёрт. Паранойя медленно начинает давать о себе знать.

— Ваш столик, — она пропускает нас вперёд, а Александр помогает мне усесться за стол, — Официант подойдёт с минуты на минуту. Желаю хорошего вечера, — эти слова она буквально прошептала Александру на ухо, или туда, куда дотянулась, ибо мужчина просто невероятно высок.

Провожая хостес взглядом, резко хватая меню. К чёрту мои планы. Я собираюсь здесь напиться и хорошенько поесть, и пусть кто-то мне запретит. Даже если на кону моя гладкая кожа. Ничего. Люди и без эпиляций раньше жили.

Потерплю.

— Мне пожалуйста говядину по-Бургундски, салат Нисуаз, а на десерт Крокембуш. В качестве напитка пусть будет... — поднимаю взгляд на заинтересованное лицо Александра, с трудом сохраняя маску безразличия, — You're going to pay for this dinner, right? (Ты собираешься заплатить за этот ужин, правильно?) — мужчина посмеивается; официант переминается с ноги на ногу, — Тогда пусть будет бокальчик Розе, — указываю пальцем на название, — Благодарю, больше ничего.

— Bouillabaisse (Буйабес), — отвечает на безмолвный вопрос официанта Александр, не сводя с меня горящих глаз; внезапно хочется провести языком по высохшим губам, но я сдерживаюсь, — Et une bouteille de whisky (И одну бутылку виски).

Надеюсь бедный официант хоть немного понимает французский. Однако по его уверенному кивку понимаю, что этот язык он будет знать лучше меня.

— Are you going to get drunk? (Ты собираешься напиться?) — спрашиваю хрипло, внезапно осознав, что буду наедине с нетрезвым мужчиной. Алиса, ты никогда в своей жизни не была глупее.

— I had a really long day (У меня действительно был длинный день). — отвечает невозмутимо, словно это должно сойти за адекватный ответ, — What about you? Bad day? (Что насчет тебя? Плохой день?)

— Bad life (Плохая жизнь), — криво усмехаюсь, откинувшись в удобном кресле, заметив несколько ревностных взглядов девушек за соседним столиком, — Why are we here, Alex? (Почему мы здесь, Алекс?) — спрашиваю устало, потеряв всю спесь за это время.

— You looked, like you need to be saved (Ты выглядела так, словно ты нуждалась быть спасённой). — отвечает ровно, ничуть не смутившись; зато это самое смущение лавиной накрыло меня с головой. Это не тот ответ, который я ожидала.

— And you are that one, who can save me? (А ты тот, кто сможет спасти меня?)

— How long have you been working in the hotel? (Как долго ты работаешь в отеле?)

Переводит тему. Чёрт. Я зашла на какую-то опасную территорию, это видно по огоньку, мелькнувшему в серебристых, как отблеск луны или свет звёзд на темном небе, глазах. У него такие красивые глаза. Это даже несправедливо. Александр и без того представляет собой само божество, сошедшее на нашу грешную землю, а тут ещё такой невероятный цвет глаз. Интересно, они такие же яркие, если в них посмотреть вблизи?

— How long have you been dating with that girl? (Как давно ты встречаешься с той девушкой?) — задаю встречный вопрос, получив прищур в ответ. Кому-то не нравится, когда на его вопросы не отвечают.

— Which one? (С какой именно?)

— From the hotel. I met her yesterday night (Из отеля. Я встречалась с ней вчера ночью).

— Christina? (Кристина?)

— Whoever she is. I don't care about her name (Кем бы она ни была. Мне плевать, как ее зовут), — начинаю закипать. Ему нравится играть. Надо бы запомнить.

— Dating? (Встречаюсь?)

— How long have you been fucking Christina?! (Как долго ты трахаешь Кристину?!) — взрываюсь и выдаю вопрос настоящим шипением самой Василиска из Гарри Поттера.

Официант, принесший нам заказ, опешил. Это было практически незаметно, но не будь я приученной следить за чужим настроением, то не заметила бы. Он вовремя собрался и поставил заказ на стол, налив виски в бокал Александра, и вино в мой.

— Jealous? (Ревность?)

— Curious (Любопытство). — отрезаю мгновенно, а вместе с тем разделяваю свое блюдо. Чёрт возьми, мне с такими нервами не светит работы в мире дипломатии, — Okay, we can't have normal conversation. Let's start again, one more time. Your full name? (Ладно, у нас не получается вести нормальный диалог. Давай начнем сначала, еще раз. Твое полное имя?)

— Alexander Johnathan Anderson (Александр Джонатан Андерсон). — отвечает без запинки, разрешая мне рулить, но огонь в глазах говорит, что скоро придётся платить. Осо-

бенно, когда его губы касаются стекла бокала, а взгляд так и не отпускает меня. Дрожь проходит вдоль позвоночника.

— Age? (Возраст?)

— 30.

— So, you're 10 years older than me! (Так ты на 10 лет старше меня!) — восклицаю вслух.

Честно, в моей семье живёт такая тенденция среди женской части: все всегда выбирают мужчину на десять лет старше. Не знаю откуда это проклятие идёт. Мой дедушка был старше моей бабушки на десять лет; мой отец старше матери на десять лет; а еще мой дядя, и муж моей сестры. Просто какая-то магическая связь. И только один момент, а именно то, что я не собираюсь замуж за Александра, успокаивает меня. Плюс ко всему, этот загадочный англичанин укатит в свою страну так же быстро, как и блюдо в моей тарелке в мой желудок. Так что сейчас, можно сказать, я коротаю время в приятной компании, ничего больше. В конце концов, у меня есть Влад. Я уже смогла уломать его на свидание и даже поцелуй, значит и на свадьбу получится, если действительно захочется этого.

Александр коротко усмехается, никак не комментируя мой выпад. Может, его забавляет моё бурное поведение, а может раздражает, просто он тщательно скрывает это. Как-нибудь в следующий раз — если он конечно будет — надо будет уточнить этот пункт.

—Favorite book? (Любимая книга?)

— "The prince" by Niccolò Machiavelli ("Государь", Николо Макиавелли).

И почему я не удивлена.

— Favorite political leader? (Любимый политический деятель?)

— Sir Winston Leonard Spencer Churchill.

— Are you a businessman? (Ты бизнесмен?)

— I have family business. It's some kind of construction company. We're helping people from all over the world (У меня семейный бизнес. Строительная компания. Мы помогаем людям со всего мира).

— Any underground business? (Какой-нибудь подпольный бизнес?) — интересуюсь невинно, делая уже четвёртый глоток своего Розе, в то время как Александр выпивает уже второй бокал. Стоит ли мне начинать нервничать? — Drugs? Transportation of prohibited weapons? Nothing? (Наркотики? Перевозка запрещенного оружия? Ничего?)

Его взгляд красноречивее слов. Он так и кричит: "Кто-ТыТакаяЧтоБыЯТебеОбЭтомГоворил". Не ну я его не осуждаю. Даже я всегда стараюсь быть на страже, чтобы ни в коем случае не проболтаться больше, чем дозволено. Это с первого взгляда я отрытая, на самом же деле я тот ещё молчок. Говорю не больше не меньше. Ровно по существу. Правда.

— My turn (Моя очередь). — ловко выхватывает из моих пальцев власть, так и не дав насладиться ею. — I won't ask you any questions, that I can get answers by myself, don't

worry (Я не буду задавать вопросы, ответы на которые могу получить сам, не беспокойся), — а теперь-то страшнее, ведь я спрашивала его именно такие вопросы, не касающиеся чего-то личного. Зато Александр собирается забраться под корку. — How's your hand? (Как твоя рука?)

— You're really worried about my hand! (Ты действительно волнуешься о моей руке!) — нервно хихикаю и практически неосознанно касаюсь пальцами поврежденной кожи. Алекс хватает стакан, откидывается в кресле и взирает на меня так, что внезапно хочется сорвать с себя всю одежду и упасть перед ним на колени. Его взгляд настолько интенсивный, подавляющий, что даже я, лидер в игре в гляделки, трусливо отвожу глаза, уставившись в свою тарелку. Аппетит потерян.

— I'm really worried about you (Я действительно волнуюсь о тебе).

Резко поднимаю голову, услышав издалека, как хрустнула шея. Александр продолжает смотреть, оценивает выдержку, делает выводы. А мне просто хочется услышать его слова вновь. Это так странно, что никто, абсолютно никто, и никогда не говорил такого. Если кого-то и волновало мое состояние, так только на один раз и только чисто из правил этикета и морали. Но вот передо мной сидит мужчина, который просто появился внезапно в моей жизни, и уже во второй раз интересуется такой мелочью, как небольшой ожог на коже.

Назовите меня законченной идиоткой, но у меня в горле запершило, а желудок сделал кульбит. Обычная фраза. Ни-

чего особенного. Возможно сказана, чтобы последнее слово осталось за ее хозяином. Однако чувство одиночества во мне проснулось с новой силой, а в голове прозвучала фраза бабушки: "Пошла вон!".

Хватаю бокал и опустошаю его одним глотком. Нормы поведения полетели в мусорку. Высшее общество явно не оценит мой поступок по достоинству.

— You don't have to be worry. Trust me. Just a little burn. Ask something more interesting (Не стоит волноваться. Поверь мне. Просто небольшой ожог. Спроси что-нибудь более интересное).

— More interesting? (Более интересное?) — его голос опустился, а голова склонилась набок. Картина маслом: змей соблазняет Еву. Остановите планету, моя остановка, — For example, who are your dreams of at night? Whose touches do you imagine in the dark? (Например, о ком ты мечтаешь ночью? Чьи прикосновения представляешь в ночи?)

Благо я успела допить вино, иначе все вылилось бы обратно. Моя вилка с грохотом падает на тарелку, выпав из внезапно ослабевших рук. Точно не такой вопрос я ожидала! Совершенно не такой поворот событий!

А Алекс смотрел, не отводя взгляда, похожий на какую-то змею, готовую к атаке. Хочется дернуться и броситься бежать из этого изысканного места с криками о помощи; но еще больше хочется перелезть на колени к мужчине и сорвать с него всю одежду. Один только его взгляд действует на

меня похлеще всякой Виагры, что может быть дальше, если безобидное общение перерастет в нечто менее контролируемое? Мне определенно хочется узнать об этом, но будет ли возможность свернуть назад с этой тропинки? Или это дорога в один конец?

— I do not think that I'm drunk enough to answer on this questions... (Я не думаю, что пьяна достаточно, чтобы отвечать на эти вопросы) — протягиваю неуверенно, играя с ножкой бокала, после чего поднимаю взгляд и нагло усмехаюсь, вдруг почувствовав, как алкоголь ударил прямо в мозг, — Or, perhaps, I just don't want to admit that the answer to your questions is... — (выдерживаю драматичную паузу) — You (Или, возможно, я просто не хочу признавать, что ответ на твои вопросы... Тебя).

Градус подскочил настолько, что я почувствовала ожоги везде, где проходилась его взгляд. Щеки, губы, шея, грудь — ничего не осталось без внимания, начиная в прямом смысле плавиться. Стало неимоверно жарко, захотелось сделать глубокий вдох, но ничего не получалось. Тогда Алекс наклонился вперёд, все еще не выпуская меня из капкана своего взгляда и прошептал настолько интимно, что я уже почувствовала себя перед ним раздетой и стоящей на коленях:

— You just need to ask (Тебе просто нужно попросить).

Взрыв. Гигантский, просто массивный взрыв произошел в моем мозгу, который, будто получил зеленый свет на абсолютно все пошлые картинки в голове. И все бы ничего, если

бы наш зрительный диалог — или зрительный секс без прикосновений — не прервал звонок на мой телефон. Противное жужжание вывело меня из оцепенения. На экране появилось "Мама" и всякое игривое настроение испарилось.

Сбрасываю вызов и переворачиваю телефон экраном вниз. Конечно же, бровь Алекса изящно выгибается. И, конечно же, мой язык без костей, подслащенный алкоголем, начинает нести полную чепуху, только уже не на английском:

— Честно признаюсь, дела обстоят очень плохо, — пригорбно выдыхаю, следя за нотками любопытства в склоненной набок голове и хищном блеске черных глаз, — А мне не с кем поделиться этим, ибо это никого не интересует. Мои проблемы, они мои, ничьи больше. Ты вот знал, насколько консервативна моя семья? Можно просто повеситься на всех их уставах и болтаться до скончания веков, ибо их аргументы бесконечны. Выйти замуж, родить детей, воспитать их, поддерживать семью. Вот кто придумал эти аргументы? Покажите мне его лицо, и я ударю этого человека. Почему я, свободная девушка, должна быть заложницей чьих-то идеологий? Может я не хочу замуж! Может у меня свои планы на жизнь и создание семьи на последнем месте? Боже, смотря на брак моей матери, мне хочется дать обет, что я никогда не выйду замуж. Это может мне аукнуться, но ты ни черта не поймешь, так что я могу слегка разоткровенничаться. Например, первый брак моей мамы с моим отцом был неудачным и они развелись через три года. Причина? Не со-

шлись характерами, слишком по-разному смотрели на будущее. Ну, во всяком случае, мама так мне говорит. Что-то мне подсказывает там другая причина, но сделаем вид, что она не врет. Плюс еще одна причина не выходить замуж, придется либо подстраиваться под чужие интересы, либо разводиться и тогда самостоятельно появляется вопрос о необходимости заключать брак. А ее второй брак? Клянусь, уж лучше быть одной, чем вот с таким мужчиной. Презираю его всем сердцем и, думаю, это взаимно. Если ты когда-нибудь увидишь меня по криминальным новостям, просто знай, что это не моя вина; меня вынудили. Но суть в том, что их отношения это постоянные скандалы, крики, ссоры. И зачем вот так трепать нервы? Если бы у меня был достойный вариант перед глазами, думаю, я бы пересмотрела свои взгляды. Но для меня брак — это сплошные ограничения, прогибание под кого-то, и ссоры. Я так устала от всего этого, что мне просто хочется плакать. Даже сейчас я здесь с тобой, лишь потому, что сбежала от постоянной тирании в семье. Ты так прав... Мне хочется быть спасенной. Хочется найти того, на кого я смогу положиться, и кто сможет защитить меня от всех ужасов этого мира. Но, так как такого еще не нашлось, вот хожу по ресторанам с малознакомыми мужчинами и ем на халяву. Назовите меня самым большим преступником. Я готова. — выдыхаю впервые со спокойной душой, даже не заметив, как заслезились мои глаза. Яростно вытираю каждую каплю, которая посмела появиться и широко улыбаюсь в миг посерьез-

невшему Алексу. Мне показалось, или он понял мои слова? — Nevermind! Just my emotions, nothing more. I need to go, sorry (Не важно! Просто мои эмоции, ничего больше. Мне нужно идти, прости).

Он поднимается следом, что было скорее привычкой. Его галантность доводит меня до ручки ровно настолько, насколько и пробуждает бабочки в животе. Это так глупо, это так недальновидно. Уж лучше пусть он исчезнет из моей жизни, чем мне в дальнейшем придется делать между ним и Владом.

Оставив внушительную пачку денег на столе, Алекс следует за мной, отставая лишь на шаг. Я же вдруг почувствовала себя очень одинокой и просто захотелось обычных объятий. Но вот так сказать прямо выше моей гордости, да и кто он мне вообще? Сегодня-завтра он улетит в свой Лондон, а я так и останусь здесь, никому не нужная и с психологической травмой. Молодец, Мельникова, так держать. Продолжай привязываться к каждому, кто просто проявил каплю нежности к тебе. Нельзя же быть такой доверчивой, чёрт возьми!

Разворачиваюсь, чтобы сказать хоть пару слов на прощание, как мужская рука резко обхватывает мою талию и вжимает в чужой торс. Каждым сантиметром своего тела чувствую силу скрывающуюся за этими мышцами и трепещу от осознания, какое наслаждение может принести этот мужчина. Грубая ладонь Александра очерчивает линию челюсти,

идет вниз и проходится по шее, ключицам, оставляя за собой горящий след. Выгибаюсь в его руках, действуя словно по первородному зову и заморожено смотрю на губы. Мне так хочется попробовать их на вкус, что становится невыносимо больно. Тянусь вперед, но не успеваю прикоснуться к мягкости чужого рта. Вместо этого, Алекс наклоняет голову и впивается удушающим поцелуем в мою шею, прикусывая тонкую кожу своими зубами.

Сначала вырывается шипение, за ним следует стон, покуда мужской язык мягко скользит по ранке, доставляя неимоверное удовольствие. Но мне все равно мало, хочется большего, особенно когда меня настойчиво прижимают к машине, опуская руки сначала на поясицу, огладив ее мягкими движениями, а потом на ягодицы, сжимая их с животной силой. Чёрт возьми, ни один нежный поцелуй с Владом не сможет перекрыть эти чувства от обычных прикосновений Алекса. Я чувствую, что никакое алкогольное опьянение не подарит мне тех же ощущений, и начинаю хныкать, в просьбе о большем. Но Алекс останавливается. Отстраняется медленно, позволяет облокотиться и удержаться на ногах. Какого. Чёрта.

– It's a promise (Это обещание).

— Promise? (Обещание?) — переспрашиваю, потеряв нить реальности. Я и без того с трудом могу понимать его, а сейчас, в таком состоянии, просто не в состоянии осознать, о чем он говорит.

Алекс не отвечает, смотрит так, будто надеется на внезапный просвет. А потом открывает дверь машины, помогая мне сесть внутрь. Продолжаю вопросительно смотреть на него, но он не говорит абсолютно ничего, только загадочно улыбается, обнажая заостренные клыки, после чего оставляет девственный поцелуй на моем лбу, будто не он только что едва не сожрал меня.

Машина трогается с места, оставляя его на том же месте, с той же хищностью в глазах. Я же просто прислоняюсь горящим лбом к стеклу и позволяю себе заплакать. Моя жизнь никогда прежде не была более запутанной.

Глава 7.

Грустно вспоминать то, что произошло после моего возвращения домой. Но я не расстраиваюсь, ведь, по крайней мере я вышла живой на работу.

Но в ту смену — как, впрочем, и во все последующие — я вымоталась так, как не выматывалась прежде. Наверное, потому что дома за день до этого, меня ждал не ужин и не тишина, а полноценный скандал. Причём с двух фронтов: мама перенервничала, потому что не знала, где я, а отчим словно сорвался с цепи и с упоением принялся искать слова побольнее. Мне героически удалось выдержать всё — каждое колкое, каждое обидное, каждое «ты никто и звать тебя никак». А потом полночи проплакать в подушку. Ту самую, старую подругу.

На следующее утро Ирина обеспокоенно спросила, всё ли

в порядке, — видимо, мои опухшие глаза говорили красноречивее меня. Я с трудом, но соврала: мол, ничего особенного, просто пересмотрела турецких сериалов и слишком уж прониклась. Не думаю, что она поверила. Но расспрашивать больше не стала. За что ей, честно говоря, отдельное спасибо. Не каждый начальник умеет вовремя промолчать.

А Влада, как мне на зло, не было. У него внезапный отпуск, о котором я магическим образом узнала только придя на работу. И только по этой причине моя гордость не позволила мне написать ему с расспросами, всё ли нормально. Если ему это не нужно, я не стану навязываться. Хотя я более чем уверена, что он заинтересован в этом, просто почему-то продолжает меня игнорировать. Может боится чего-то серьёзного? Обычно, так и бывает, но надо узнать у него точно. Я могу годами выстраивать теории относительно его мыслей, но лучше спрошу прямо. Так сберегу и нервы, и время.

И Алекса тоже не было. Чёрт возьми, все мужчины в округе разбежались, и все после моих откровений. Если в случае Влада я могу сказать, что побег оправдан, то Алекс и понятия не имеет, о чем я ему пожаловалась в тот вечер. Но даже его можно оправдать тем, что у него дела в бизнесе, как никак делает большие деньги.

За эту неделю их совместной пропажи, я начала наконец ходить в университет, обрадовавшись, что лекции у меня в вечернее время, ведь таким образом я смогу работать в утреннюю смену. Двойная нагрузка уже давала о себе знать

в виде появившихся кругов под глазами и вечно уставшему взгляду, но по крайней мере я все еще успеваю совмещать работу и учёбу. Хотя, это, скорее всего, ещё и потому, что у меня нет никаких посторонних мыслей. Нет никаких мужчин вокруг, которые отвлекали бы меня от важных задач, чему я была рада (хотя чувство внутренней пустоты все ещё присутствовало).

Зато за это время я успела пробить имя и фамилию англичанина в интернете, и добилась только того, что узнала новое наименование для чисел. Именно такую выгоду получает его компания ежегодно. Клянусь, даже мой учитель по математике потеряется в том количестве нулей, которые я насчитала.

Помимо прочего, я узнала, что его брат Грейсон — а если полное имя так, Грейсон Джозеф Андерсон — вполне себе популярный футболист; один из лучших в этом спорте. И они настолько похожи, насколько и отличаются. Я долго пялилась на фотографии обоих, пытаюсь понять, что же в них одинакового, ведь на вид, они совершенно разные. И только потом, откопав другие их фотографии, я заметила их взгляд: он абсолютно идентичный. Оба диких хищника, готовых порвать любого ради своей выгоды.

Но я не нашла ничего об их семье. Ноль информации. Точно не обошлось без лишней суеты, но это не моё дело. Мне хватило и его брата, познакомиться с которым я не горела желанием. Причина очень простая: найти такого бабни-

ка сложнее, чем иголку в стоге сена. Каждая вторая новость о его новой пассии, которая слишком похожа на предыдущую. У него сформировался вкус: чёрные волосы, зелёные глаза и огромные губы. Все его девушки похожи на моделей, но я не осуждаю, мне многие из них и самой понравились.

Зато об Александре никакой информации. Он, черт возьми, будто не существует для папарацци. И откопать на него информацию не получилось даже мне. А такого опыта у меня ещё не бывало.

— Значит, ты ходила на свидание со своим сотрудником и ничего нам не сказала?

Спустя неделю я все же посетила свою двоюродную сестру. У меня нашёлся лишний часок, который я решила провести именно в компании Сони, вдруг захотев поделиться именно с ней всеми новостями. В конце концов, она старшее и опытнее. Может сможет дать мне парочку советов по соблазнению мужчин. У меня как-то не получается.

Соня замешивала тесто для торта, который у нее заказали. Покуда она сидит дома и является заядлой домохозяйкой, моя сестра самостоятельно выучилась на кондитера и теперь готовит свои кондитерские изделия на заказ. А это у нее получается безумно вкусно. Учитывая то, что Соня старше меня лишь на пять лет, она куда успешнее меня. Вышла замуж, имеет очаровательное чудо в лице моей племянницы Кати и живёт отдельно от родителей в столице. Она даже умеет готовить, в отличие от меня. Порой обидно, но погло-

щая остатки сладкого теста, я понимаю, что прекрасно живу. Нужно искать везде плюсы, а не минусы, Мельникова. Кому-то кулинарные способности, а кому-то развитая фантазия, в которой я дипломат какой-нибудь международной организации. Мечты...

— Всё именно так, да, — киваю, с жадностью смотря на уже готовый крем, — Мы просто погуляли, пообщались, поделились сокровенным и даже потанцевали под живую музыку, — опускаю интимные подробности, — Ничего особенного, но мне он нравится уже давно. Так что само лишь свидание вызвало во мне противоречивые чувства, если честно. Что-то между страхом, что я его могла спугнуть, и трепетом, что свидание может повториться. Плюс он не появляется на работе. Может он избегает меня?

— Ну, ты у нас девочка гордая, думаю сможешь пережить такое неподобающее поведение в свой адрес, — Соня грозно смотрит на меня, пресекая даже мысли о покушении на сладкое. Тяжко вздыхаю, смирившись со своей участью. Но не упускаю из-под прицела крем. Лёгкая победа не имеет вкуса.

— Согласна. Пойду и найду себе с легкостью нового парня. Я ведь такая популярная. А лучше с деньгами. Побогаче. Как бабушка причитает.

Мы обе замолкаем.

Не могу сказать, что деньги в мужчине меня интересуют. Вот заработать самостоятельно на ту же Бентли звучит куда выгоднее и приятнее. Только ради этого стоит жить: су-

меть обеспечивать себя и выполнять свои любые капризы. Но я готова поддерживать мужчину рядом с собой, делать совместные шаги к светлому будущему. А бабушка наставляет нас всех, чтобы мы вышли уже за богатого. Какой в этом плюс? Он в любой момент может уйти.

Одна мысль о том, что Александр станет моим мужем приводит меня в ужас. Вот правда. Он уже состоявшийся мужчина, с опытом и огромными возможностями. Я не могу дать ему ничего, что могло бы его зацепить. Повидав все на своем пути, мужчина уже потерял интерес ко всему остальному. Так что Алекс для меня плохой кандидат. У нас совершенно разные ценности.

— Как дома дела? — Соня приступает к формированию ярусов шоколадного торта. Кому-то крупно повезло, ведь у моей сестры золотые руки. Хотя у кого-то из нашего поколения. Белая ворона, как говорится.

— Отлично, — пожимаю плечами, — Всего лишь скандал, обвинение, что я безответственная и неблагодарная дочь, которая думает только о себе, и, конечно же, заверения, что такими темпами мне в старости никто и чашку воды не подаст.

Конечно же я ни слова не говорю о том, что я якобы проститутка, ибо покраснение от поцелуя Алекса не осталось незамеченным. Хотя это даже не покраснение, это целый за-сос. Весь фиолетовый и на половину шеи. Честное слово, мой отчим едва не озверел, когда увидел его. Кричал, что я позор семьи и все в этом роде. Но меня мало интересуют его

слова, ибо отношения с Алексом меня волнуют больше. Это своего рода тупик. Мы вроде ужинали вместе, узнали немного друг о друге, но все равно, будто все так же не знакомы. Да и к тому же, поцелуи и всякого рода зажимания нельзя считать дружескими жестами, но и до любовных они не дотягивают. Я совершенно запуталась с этими парнями и не уверена, что их присутствие в моей жизни что-то позитивное.

— То, о чем говорила бабушка... — сестра закусывает губу, подбирая нужные слова, — Её слова не должны задевать тебя, ты же знаешь. Она всегда была такой и вряд ли когда-нибудь изменится...

— Но они задевают! — взрываюсь практически мгновенно, — Кто она такая, чтобы заправлять моей жизнью?! Это моя жизнь! Моя! Она не смеет принимать какие-то решения без моего ведома! Кто такой этот внук или сын её подруги? Я о нем все свои двадцать лет не слышала, а тут, оказывается, нас сватать собираются! Как бы тебя себя почувствовала на моем месте? А если бы...

— Тетя? — детский тонкий голосок прерывает мою гневную тираду. Мне сразу становится стыдно за потерю контроля перед ребенком, да и в принципе за срыв. Я всегда стараюсь держать эмоции при себе, но сейчас что-то меня вывело из себя. Нервы ни к чёрту.

— Привет, солнышко, — разворачиваюсь к маленькому созданию, которое люблю практически больше всех.

Катя стоит в дверном проёме, смотря прямо на меня. Ее

каштановые волосы заплетены в длинную косичку, а длинная челка лезет в глаза. Зеленые глаза блестят не то от испуга, не то от смущения. Она никогда не видела что бы я повышала в ее присутствии голос, и видимо сейчас пребывает в лёгком шоковом состоянии. Всегда веселая тетя Алиса сейчас жалуется на жизнь. Прекрасная картина, ничего не скажешь.

Обнимаю свою племянницу, бережно прижимая к себе. Ее тонкие ручки оплетают мою шею. Беру свое маленькое чудо на руки и сажаю к себе на колени. Катя от силы весит как котенок, чем немало расстраивает своих родителей. Ей три года, но ее телосложение слишком хрупкое. Хотя она чувствует себя прекрасно в своем весе. И если это так, то никаких отклонений у нее точно нет. Я в интернете читала!

— Почему ты кричишь, тетя? — Катя начинает играть с моими волосами, пропуская их сквозь короткие пальчики, вызывая лишь умиление и восторг.

— Тетя устала, Катюш, — вступает Соня, нанося крем на торт, — А когда люди устают, они расстроены и могут кричать или даже плакать. Ну вот ты же плакала вчера, когда папа не купил тебе шоколадку? — Катя кивает с серьезным видом, внимая каждому слову матери, — Вот и тетя Лиса очень хочет что-то, чего ей не дают.

— Тетя Женя тоже кричала, когда приходила в последний раз! Она тоже устала? — нахмурилась малышка и я вместе с ней; но Соня лишь отмахнулась, кивнув дочери, — Давай

папу попросим, что бы он купил им то, что они хотят, мама! — с энтузиазмом выкрикивает ребенок, заглядывая мне в глаза с победным блеском в них, — Я очень-очень попрошу его, и он купит. Какую шоколадку ты хочешь? Если хочешь, папа купит тебе все шоколадки в магазине, только не плачь.

— В данный момент, мой маленький котенок, я хочу торт, который готовит твоя мама, — шепчу ей на ушко, от чего девочка заливается смехом.

— Торты мамы нельзя трогать, тётя, ты что не знаешь? — шепчет мне в ответ Катя, замечая утвердительный кивок Сони. Показываю ей язык, вызывая ещё один приступ смеха у ребёнка.

— Потому то я и кричу, Катюша, твоя мама не даёт мне даже маленького кусочка.

Соня закатывает глаза и предоставляет нам вкусные остатки от тортика. С видом завоевательниц, мы с Катей приступаем к пиршеству. Все-таки маленький дьяволенок хотел этого не меньше меня.

Глава 8.

Прошла ещё одна неделя. Ещё. Одна. Бесполезная. Неделя.

Уже середина сентября, а меня едва хватает на то, чтобы не сорваться на кого-то. Все, чем я занималась эту неделю с лишним, так это учёбой и параллельно работой. Пару раз приходили мысли забросить второе занятие, но я героически устояла от искушения. Этому поспособствовал вечно недо-

вольный и осуждающий взгляд отчима. Если я сейчас уйду с работы, то меня просто заключут тем, что я сижу на чужой шее.

— Когда-нибудь и я куплю квартиру в этом здании.

Перевожу взгляд на высокий белоснежный дом. Одна его грань — сплошное светоотражающее стекло, изнутри, разумеется, окна. Корпус построили совсем недавно, но цены тут такие, что даже Рокфеллер, думаю, присвистнул бы и полез в блокнот — уточнить, не ошиблись ли они с нулями. И всё же я уверена: оно того стоит.

Охраняемая территория, куда и птица не залетит без ведома охраны. Круглосуточное видеонаблюдение, ворота закрыты так, что позавидует любой сейф. Десять этажей с прекрасным видом на город, вечнозелёный парк, детская площадка. Идеальное место. И безумно дорогое — настолько, что обе мои почки, вместе взятые, стоят дешевле одного квадратного метра. Досадное явление. Прямо-таки арифметическая несправедливость.

— Сначала тебе придется продать все свои органы на черном рынке, — не могу удержаться от подколов в сторону Светы, своей однокурсницы, с которой мы решили немного прогуляться после пары, — Потом украсть ещё парочку у других, и в конечном итоге, ты возможно сможешь хотя бы попасть внутрь.

Подруга обиженно смотрит на меня.

— Как дела с Виталиком? — возвращаю подругу к нашему

первоначальному диалогу.

Виталик наш общий друг, а также студент юридического факультета. Мы познакомились с ним на первом курсе, а потом эти двое начали встречаться. Не то чтобы я завидовала, просто я осталась практически единственной на курсе, кто без пары. Это уже становится смешным. Но я не позволяю своей зависти взять вверх, потому стараюсь искренне радоваться за достижения своей подруги и поддерживать её.

— У него практика в областном суде, — Света закусывает губу и заламывает пальцы; что-то она разнервничалась, — Знаешь, порой мне кажется, что он ко мне остыл.

Удивлённо выгибаю бровь. Это точно последнее, что может произойти с Виталиком. У него глаза загораются, когда он её видит, с чего она решила, что он мог к ней остыть?

— Я уверена, Виталик от тебя без ума, — успокаиваю подругу, делая глоток своего теплого кофе, ощущая, что совсем скоро наступят холода. Несмотря на то, что сейчас только середина сентября, по вечерам уже прохладнее, чем это было неделю назад.

— Последнее время мы редко видимся, — продолжает Света, поправляя воротник белой рубашки, — Он постоянно занят, я постоянно скучаю. Если так продолжится, наши отношения потеряют всякую ценность. Нам придется расстаться, а я не хочу этого. Я слишком люблю его.

— Если любишь, не отпустишь, — заверяю я с улыбкой, — А он не отпустит тебя. Временные сложности не помеха

для ваших отношений. Это наоборот своеобразная проверка. Если сейчас вы сможете пройти этот сложный этап вместе, то дальнейшие проблемы вам не по чем. — глаза моей подруги загораются, как два изумруда. Я вижу надежду, которая расцветает в ее душе. Чёрт, неужели я выгляжу так же восторженно, когда говорю о Владе? — Что будешь дарить Виталику? — перевожу тему в безопасное русло.

Говоря это, я имею ввиду день рождение, которое у него буквально через две недели. Наш дорогой юрист весы по знаку зодиака, и отлично подходит своей профессии, как по мне. Ну куда уж мне, скорпиону, идти в дипломаты я не знаю, но все ещё не оставляю надежду, что смогу вершить судьбы государств на международном уровне.

— У одного мастера я заказала кольцо, — заговорщически сообщает Света, отпивая горячий шоколад. Настоящая мерзлячка — похлеще меня, а это, поверьте, достижение. — Камень выбрала рубин. Ты, вероятно, знаешь: именно этот минерал олицетворяет любовь и защиту от того, кто его подарил. Мужчина, носящий драгоценность с этим камнем, чувствует страстную любовь к своей избраннице. Мастер обещал изготовить кольцо прямо к дню рождения — из самого яркого камня. И если, глядя на своё украшение, его глаза будут блестеть... значит, он меня любит. — она замолкает — и смотрит на меня так, будто ждёт, что я достану научную статью и опровергну каждое слово. А я молчу. Потому что не могу. — И знаешь, — добавляет она тише, — воз-

можно, я веду себя как влюблённая наивная девчонка. Но я хочу верить в наше будущее.

И вот тут я понимаю, что спорить не стану. Даже я — с моим-то скептицизмом, отработанным годами. Потому что иногда вера в рубин, мастера и блестящие глаза — это единственное, что держит человека на плаву. А Света заслуживает хотя бы этого, ибо, смотря в эти яркие глаза, я вижу лишь искреннюю любовь и веру в светлое будущее. Два сапфира, освещающих темное пространство. Если бы не она, мне было бы скучно и одиноко в этом мире. Света и вправду временами очень наивная, словно все ещё верит в существование единорогов и смело носит розовые очки. Но в другое время, это самый мудрый человек в моей жизни. Я даже удивляюсь, как она может совмещать такие противоречивые личности. Надо будет уточнить у нее это.

Только собираюсь ей ответить, как голос пропадает. Прямо на нас идёт Влад в компании своего друга, Кости, которого я часто видела на их общих фотографиях. Рыжеволосый высокий парень, с пирсингом в брови и множеством колец на обеих руках. Он действительно красив, но не так, как Влад. У меня даже сперло дыхание от того, насколько сильно я соскучилась по его лицу. Особенно по этой улыбке, которая порождала эту дурацкую ямочку на левой щеке. Как я раньше этого не замечала?

Заметив меня, парень слегка замедлился, но улыбка так и не сошла с его лица. Наоборот, кажется, он ещё больше

развеселился.

— Кажется, теперь я знаю, как выгляжу со стороны, когда говорю о Виталике, — прошептала Света рядом, уцепив меня в бок.

— Дамы! — поприветствовал Костя, сделав шутливый реверанс, — Ты ведь Алиса, не так ли? Этот негодник все уши мне прожужжал рыжеволосой красавицей, что плотно засела в его голове. Пока мы были в туре в Турции, он каждый вечер показывал мне твои фотографии, и, признаться честно, в реальности ты ещё красивее! Можешь звать меня Костиком.

— Заткнись! — прорычал Влад, после чего виновато посмотрел на меня, застывшую в немом шоке от полученной информации, — Прости, что не предупредил. Мне срочно пришлось улететь.

Все еще стою едва не с открытым ртом. Сердце начинает биться с удвоенной силой, пока мозг перебирает полученную информацию, раскладывая её по полочкам. И тогда Влад, тяжело вздохнув, осторожно берет меня за руку, не выпуская из-под взгляда тёмных глаз.

— Если твоя подруга не против, мы могли бы прогуляться.

— Подруга только за! — выкрикивает Света, после чего тянет меня к себе и шепчет быстро, будто я могу не понять её, — Мы не просто так встречаем людей. Если этот парень тот, кто подарит тебе воспоминания, которые будут греть тебя в будущем, то не смей упускать этот шанс из рук, Мель-

никова. Не позволяй гордости лишиться тебя радости.

И она отпускает меня. А я вдруг почувствовала себя настолько уязвленной и одинокой, что захотелось просто заплакать. Почему-то появилось чувство, что наступает какой-то важный момент, откуда невозможно вернуться. Какая-то точка невозврата.

Света права в том, что человек оставит тебе воспоминания. Частичку себя в твоём сознании, оставаясь с тобой на протяжении всей жизни. И это не совсем плохо. Но каждый воспринимает это по-разному. Кто-то с глубокой печалью вспоминает о счастливых днях, в желании вернуть все обратно, при этом живя прошлым. А кто-то вспоминает с улыбкой и лёгкостью на душе, принимая это за опыт в жизни. Зная свой пессимизм, уход человека я восприму со слезами и истериками. Но может стоит и вправду рискнуть?

Влад повел меня в неизвестном направлении. Наши пальцы переплелись, что добавляло мне тепла и некой защищённости.

Ну а что, если Влад просто очередной этап?

Эта мысль заставила вздрогнуть.

Подобный расклад казался страшным. В жизни ничего не бывает бесконечным, все когда-то заканчивается. А вдруг и интерес Влада ко мне иссякнет? Он побудет со мной, а после мы просто расстанемся, как будто никогда и не сходились. Или же если он перестанет меня интересоваться? У меня довольно переменчивый характер, это вполне возможно. Такое

часто было в школе: мне нравился парень, а когда он проявлял ответные чувства, то я сразу теряла интерес. Что, если такое будет и со Владом? Боже, помоги мне решить эту дурацкую загадку моего характера и моих желаний.

Мы подошли к черной машине, которой, я уверена, у Влада никогда не было. Видимо заметив моё некое смущение, он пояснил:

— Одолжил у Кости, чтобы произвести на тебя впечатление, принцесса. — Влад подмигнул мне и открыл пассажирскую дверь, с видом джентльмена помогая сесть в машину. А у меня в голове все еще был полный бардак, вызванный словами Кости и этим прозвищем: "Принцесса".

В машине стояла тишина. Комфортная, не мешающая, а наоборот расслабляющая. Я всегда чувствовала себя не в своей тарелке при тишине, считая ее угнетающей. Но сейчас все было иначе. Спокойствие, ощущаемое рядом с Владом, не было ни с чем сравнимо. Я будто на каком-то внутреннем уровне чувствовала себя в защищённости и доверяла парню рядом. И это так странно, ведь обычно каждого нового человека в своей жизни я воспринимаю в штыки. Можно считать это старостью или все-таки паранойей? Вызовите кто-нибудь врача, пожалуйста. Тут мой мозг собирается повеситься на верёвке своей тупости!

Место, которое выбрал Влад, было прекрасным для общения. Отсюда открывался прелестный вид на город, и рядом практически никого не было. Лишь мы и то что происходит

между нами.

Первым делом я — с трудом конечно — сделала глубокий вдох, позволяя прохладному воздуху пробраться в лёгкие, немного потушив жжение внутри. Но назад уже не было дороги. Забравшись на капот машины, вмиг почувствовав ужасное смущение, я начала крутить ногами, вспоминая невольно слова бабушки, что таким образом чертей качают. Чёрт бы побрал эти заскоки прошлых веков, и мою память, которая решила подкинуть эту информацию прямо сейчас.

— Как дела, принцесса? – спросил Влад и встал рядом.

Его взор так же был устремлён вперед, за что я была благодарна. Если бы он смотрел на меня, то вероятнее всего слова бы застряли в глотке, а потом я просто задохнулась бы от нехватки кислорода. Взгляд Влада порой имел особенность лишать меня речи, а порой и здравого мышления. Так же, как было в первые дни нашего знакомства, и в последующие, когда я не упускала возможности укунить ту же Илону по сильнее за то, что она имела возможность просто так прикасаться к Владу, а я нет.

— У меня все отлично, – отвечаю преувеличенно радостно, — Вот наконец поступила на третий курс. И, боже, кто бы только знал, как сложно совмещать работу и учёбу. У меня нет ни единого желания просто просыпаться утром, не то чтобы работать, заниматься или делать что-либо ещё. А еще ведь скоро начнутся экзамены!

— Я уверен у тебя все получится, — мягко улыбнулся па-

рень, бросив скользкий взгляд на мои ноги, от чего я почувствовала себя несносным ребёнком. — Я и вправду соскучился по тебе.

— Это, наверное, странно, но я чувствую притяжение между нами, — после этих слов я уверена, что стала цвета помидора, покуда щеки обожгло настоящим адским пламенем, — С самой первой встречи, когда я тебя ещё невзлюбила. Мне хочется быть рядом и не подпускать к тебе ни одной девушки, включая эту Илону, которой готова просто выцарапать глаза за то, что она такая красивая. Ты можешь оставить меня здесь, если не согласен, или просто сказать, что все мои чувства, это несерьёзно и никакого притяжения нет. Я не обижусь, правда. Будет больно, но я переживу. Честно.

Не дожидаясь продолжения, Влад вдруг передвинулся и стал ближе. Руками раздвинув мои колени, он устроился между ними, лишая меня возможности даже дышать нормально. Все эмоции встали поперёк горла, а лёгкие загорелись от смущения и важности этого момента.

— Принцесса, — ласково произнес он и протянул руку к моему лицу. Мягко очертив пространство напротив, не прикасаясь к коже, он наклонился к шее. Вот теперь мне точно нужна скорая! Кажется, у меня остановилось сердце, — Я бы сказал, что это не просто притяжение. У меня крышу стоит в твоём окружении. В голове всплывают самые неприличные картинки, а руки так и чешутся притронуться к тебе. Я похож на алкоголика в завязке, а ты как ходячий напротив ме-

ня дорогостоящий алкоголь.

— Не лучшее сравнение, — тихо усмехнулась я, а после тихо простонала. Губы парня прижались к бьющейся жилке на шее, языком очерчивая ее контуры. Мир сузился до одного человека и его движений. Мурашки бегали по всему телу, а места соприкосновения горели пламенем. Остановите планету, моя остановка. Это слишком хорошо, чтобы быть реальностью.

— Тогда ты самая сладкая конфета, а я диабетик, — тихо рассмеялся Влад, и его зубы сомкнулись на коже, заставляя меня дернуться в его объятиях. Уже на знакомом месте, завтра, появится новая метка.

И эта мысль стала той самой точкой невозврата.

Александр.

Сейчас, в объятиях Влада, я отчётливо понимаю: они совсем другие. Не хуже — просто другие. И от этого почему-то ещё больше.

Влад обнимает так, будто я сделана из тонкого стекла. Осторожно, бережно, тепло — как старый плед, в который заворачиваешься в дождливый вечер. В его руках тихо. В них безопасно. В них можно выдохнуть и наконец перестать держать спину. Его объятия пахнут домом, чаем и чем-то простым, что не требует доказательств. В них нет ни вопроса, ни вызова, ни обещания. Только покой. И это, наверное, должно быть счастьем.

Алекс обнимал иначе, будто мы стояли на краю, и он про-

верял, сойду ли я следом. В его руках было электричество — то самое, от которого волоски на руках встают дыбом, а воздух между нами становится плотным, как перед грозой. Его пальцы говорили больше, чем стоило. Обещали то, что происходит за закрытыми дверями, когда никто не видит, когда свет выключен, а слова уже не нужны. С Владом я отдыхаю. С Алексом я горю. И, боже, как же стыдно, что второе ощущается острее.

Мне становится мерзко от самой себя. Я нахожусь в объятиях парня, которого — я почти уверена — люблю и думаю о другом. О том, чьи руки я помню лучше, чем должна. Наверное, это и есть расплата за то, что однажды позволила себе запомнить. И самое паршивое: я не знаю, смогу ли теперь разучиться.

— Я хочу тебя, — четко проговорил каждое слово Влад, врываясь в мое грешное сознание. От подобных слов я замерла, с жадностью хватая скрытый и поверхностный смысл, — Хочу видеть рядом с собой. Вдыхать твой запах и слышать твой голос. — его палец очертил мою скулу, замерев на подбородке, мягко поглаживая его, — Мне так жаль, что мне пришлось оттолкнуть тебя первоначально. Ведь у нас было бы больше времени, насладиться друг другом. Просто быть рядом и не страдать фигнёй, находясь так близко, но так далеко друг от друга. А чего хочешь ты, Алиса?

— Поцелуй меня, — прошептала я совсем тихо. Возможно Влад и не услышал этих слов, но точно прочитал их по

губам, к которым был направлен его взор.

И в тот момент, когда его губы опустились на мои, мир взорвался. Не от фейерверков, бабочек в животе, а от одной дьявольской ухмылки, проскользнувшей в воспоминаниях: It's a promise (Это обещание).

Глава 9.

Все последующие дни я точно летала в облаках и парила над землёй, окружённая любовью со всех сторон (и даже случай, произошедший дома, после которого я ношу новую повязку на руке не изменил ничего). А именно, Влад ни секунды не упускал возможности доказать свои слова, сказанные в тот день. Кажется, я никогда не была столь счастлива, сколько радуюсь каждому дню сейчас. Мне нравится чувствовать себя любимой, нравится видеть взгляд Влада, будто я и вправду едва ли не центр вселенной для него. Это просто невероятно; и в очередной раз я убедилась, что никогда не стоит отступать от своих желаний, ведь в конечном итоге ты выигрываешь.

— Ну ты ведь давно почувствовала, что я смотрю на тебя! — воскликнул Влад, когда мы находились на работе.

— Конечно, просто пока ты смотришь, ты повышаешь мне самооценку, так зачем мне прерывать тебя? — спрашиваю невозмутимо, после чего, едва вывернувшись из протянутых рук для объятий, выбегаю в зал к гостям.

Сегодня в гостинице на удивление пусто. Из интересных персон — только Колесников, который в очередной раз по-

чтил наш скромный ресторан своим присутствием. И вновь Ирина оказалась в его цепких лапищах: за те двадцать минут, что он здесь, его руки успели побывать во всех неподобающих местах примерно раз десять. Я сбилась со счёта. Впрочем, я и не старалась.

Но вот глаза у него другие. По-волчьи холодные, они каждый раз провожали меня по залу — прежде чем он наконец не подозвал меня. И, что самое странное, Колесников отослал свою охрану. А потом предложил — вернее, приказал одним взглядом — сесть напротив.

Я села. Не потому, что мне хотелось. Просто, когда на тебя так смотрят, спорить как-то резко расхочется. И ещё: охрана ушла, значит, разговор будет не про чаевые. А это уже интересно. Настолько интересно, что я даже забыла, как минуту назад мечтала оказаться где угодно, только не здесь.

— Али-и-са, — протянул он, насмешливо хрюкнув. — Ты очень красивая, знаешь об этом? У меня есть одна подруга, — (здесь он подмигнул мне, намекая) — с такими же глазами, как у тебя. Расскажи мне о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.